

Охота на охотника

Автор:

Владислав Морозов

Охота на охотника

Владислав Юрьевич Морозов

Военно-историческая фантастика Охотник на вундерваффе #3

Продолжение приключений нашего современника Андрея Черникова в прошлом веке, начатых в романах «Охотник на вундерваффе» и «Охотник на попаданцев».

Теперь роли поменялись – на Черникова, летом 1944 года пытающегося вывезти из Третьего рейха беременную агентессу, ведут охоту не только фашистские спецслужбы, но и прибывшие из далекого и «светлого» будущего недоброжелатели, имеющие боевую подготовку на уровне элитных бойцов штурмового батальона.

Из-за спешки и прямого предательства срываются не только основные, но и запасные варианты эвакуации, а дорога к точке сбора проходит через пылающие фронты и границы охваченной безумием мировой войны Европы. И непонятно, что ждет Андрея в финале спасательной операции – награда или пуля в затылок!

Владислав Морозов

Охота на охотника

Все описанные ниже события вымышлены, любое сходство с реальностью носит исключительно случайный характер.

© Морозов В.Ю., 2019

© ООО «Издательство «Яуза», 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Начальное лирическое отступление

Форс-мажор, или Работа, которая любит дураков

Россия. Урал. Парк Победы

в г. Краснобельске.

Ночь с 1-го на 2 апреля 20... года

В наши края весна приходит всегда неожиданно и как-то в один день, как, впрочем, и зима. В последнем случае сначала долго тянется осень с ее грязью, слякотью и голыми деревьями, а потом в какой-то день ты просыпаешься и обнаруживаешь, что за окнами лежит сантиметров пятнадцать снега, который уже не хочет таять. Ну а с весной то же самое – к марту умирающая уральская зима надоедает хуже горькой редьки, но все равно ничего толком не тает, поскольку холодно и ночами подмораживает. Но потом, в какой-то момент с крыш начинает течь круглые сутки, и, засыпая под стук этой капли по подоконнику, ты понимаешь, что все – недели через три снега уже не будет совсем. В этом году данная фаза началась в аккурат два дня назад. Да, ребята, теперь уж точно – апрель на дворе и до майских праздников всего ничего.

Вообще в этот вечер ничего не предвещало каких-то резких телодвижений и уж тем более неожиданных проблем. То есть в наше весьма интересное время, когда над всеми нами впервые с 1962 года висит, словно топор палача, шикарная перспектива третьей мировой войны, проблемы, конечно, есть у всех и всегда, но у таких, как я, они обычно все-таки не носят фатального характера. Тут у меня есть два огромных плюса – я не женат и никогда в жизни не брал

кредитов (вообще ни разу то есть). Моим семейным друзьям-приятелям (у которых все сложилось по обычному принципу – пара неосторожных движений, раз, и на? тебе, две жены, трое детей, алименты и четыре кредита) в этом плане куда тяжелее. А так – да, платят мало и сплошь и рядом недоплачивают или рассчитываются не вовремя. Только ведь я не в офисе «отбываю с девяти до шести», тужась толкнуть окончательно обезденеженным обывателям какой-нибудь залежалый товар или впарить ненужную им услугу, и не на нефтеперерабатывающем заводе, в газу и вони, по сменам, ворочаю лопатой серный концентрат.

А журналистский труд, он довольно специфический. Вот сегодня, к примеру, сдавал материал из недельной криминальной хроники. И, как обычно у нас – и смех и грех, в стиле «в понедельник мы с мамой решили, что меня изнасиловали». А как иначе оценивать «эпизод», типа «в поселке Гнилодымово Алапайского района, в строящемся доме на пересечении улиц Свердлова и Дзержинского находящийся в состоянии сильного опьянения ранее судимый гражданин Муглагалиев 36 лет нанес также находившемуся в состоянии алкогольного опьянения гражданину Дырову 33 лет, без определенных занятий, более двадцати ударов в голову и грудь фрагментом кирпичной стены, весом 23 кг (?!), с целью завладения мобильным телефоном марки «Sony» (цена тому телефону была от силы рублей 700) и деньгами (около 280 рублей мелочью), после чего, используя найденный на стройплощадке острый предмет (предположительно – ножницы для резки металла) отрезал гражданину Дырову половой член и нанес около 30 колотых ран». Кстати, довольно типичное для наших краев преступление, учитывая, что на селе сейчас пьют не водку, а вообще все, что горит. Добавлю, что гражданина Муглагалиева с его «богатой добычей» задержали часа через полтора после совершения преступления, а главный вопрос, который углубленно изучали судмедэксперты, – отрезали гражданину Дырову писюн в момент, когда он был еще жив или когда он уже умер? Для следствия это две больших разницы – либо убийство с отягчающими, либо граничащие с садизмом манипуляции со свежим трупом. И, разумеется, ни слова про отрезанный писюн и колотые раны в окончательном варианте газетного текста не осталось. И даже граждане Муглагалиев и Дыров превратились там в безликих «Гражданин А» и «гражданин Я». Типа, кому надо – поймет...

Это в начале 2000-х тогдашний развеселый редактор, наоборот, прибавил бы от себя каких-нибудь смачных подробностей, комментариев и выводов насчет умственных способностей как татя, так и его жертвы, а сейчас – увы... Нынче наше провинциальное МВД ревностно следит за тем, чтобы, не дай бог, не

будировать граждан лишний раз. В здешних краях МВД специфическое: с одной стороны, все изображают из себя фантастически целомудренных личностей (якобы не берут взятки, изъясняются исключительно литературным, пушкинским, языком и размножаются делением), а с другой стороны, высокое московское начальство иногда прямо-таки улетает в астрал от сообщений о художествах полицейнеров из Краснобельска. Можно вспомнить хоть недавнюю историю о том, как прямо в казенном здании два то ли слишком смелых (читай – тупых), то ли принявших некий начисто убивающий инстинкт самосохранения загадочный препарат подполковника и один майор МВД по неизвестному поводу нажрались в кашку и часто-густо-коллективно «надругались извращенным способом» над некой юной, но, похоже, не имевшей твердых моральных устоев дознавательшей из того же ведомства, папа которой (вот же сюрприз для них!) вроде бы оказался генералом из Росгвардии. Правда, потом начались робкие уточнения, типа того, что то ли «надругивались извращенным способом» не все трое, а только один или двое, то ли пьяными были не только они, но и жертва тоже, то ли вообще никто ни над кем не «надругивался», а все кончилось то ли «сексом по обоюдному согласию», то ли вообще дикарскими танцами в полуголом виде, то ли там вообще не было никаких мужиков, а «жертва» на самом деле устроила на месте работы некий лесбийский шабаш с подружками, а всю историю с изнасилованием вообще придумала потом, с дичайшего бодуна. В общем, поорали-пошумели и спустили дело на тормозах, но, как говорится, ложечки-то нашлись, но осадочек остался – все равно обоих подполковников и майора моментально вытурили со службы и взяли под стражу, закрыв в кутузке. Чуть позже, вдогонку за ними, уволили из рядов и саму «жертву» этого странного происшествия, причем с прямо-таки классической формулировкой «за распитие спиртных напитков на рабочем месте». А нашей братии категорически не рекомендовали писать про это, поскольку дело начало попахивать ведомственными разборками, в ходе которых обычно чувствительно прилетает кому угодно – под трамвай попадать куда приятнее, чем под какую-либо очередную «кампанию».

Так что не скажу, что наша провинциальная журналистика – это сильно круто, но по нынешнему времени эта работа не лучше и не хуже других. И, с другой стороны, раз в результате этого есть денежка на харчи и оплату коммуналки – все не так уж и плохо. Опять же в активе золотишко, натыренное в финале прошлой «экспедиции», да мимоходом заполученные там же оружейные раритеты, часть которых я, с великими предосторожностями, уже успел распродать.

В общем, тихим первоапрельским вечером я сидел на кухне и ужинал пельменями собственного приготовления. Почему-то не могу есть то, что сейчас в магазинах продают под названием «пельмени». Возможно, от того, что колбасу и прочие полуфабрикаты вполне могут, подобно водке, штамповать из чего-то вроде опилок и гашеной извести, а вот мясо подделывать еще не научились. Поэтому наилучший вариант – сам купил мяса, сам пропустил, сам сделал фарш, потом замесил тесто, раскатал-нарезал да и налепил от души, по семейным рецептам. Конечно, это, как считают некоторые мои знакомые эстеты, дорого, долго и нудно, но зато результат точно превосходит все ожидания. Предвижу брезгливо сморщенные от приведенного выше описания физиономии некоторых столичных снобов, для которых пельмени, как, впрочем, и находящиеся в чьей-то квартире шкафы и полки с книгами – явный признак окончательной быдлоты и нищесбродства. Впрочем, некоторые уже считают за подобный признак и, к примеру, наличие телевизора. Но что есть, ребятки, то есть. И мы такие, какие есть, и ни нас, ни вас уже не переделать. Никому и никогда.

Мое одиночество скрашивал глухо бормотавший на холодильнике в углу кухни голосами двух модных политобозревателей старый, но надежный радиоприемник. Один из радиоголосов говорил о том, что Европе уже пора свыкнуться со своей вечной ролью грядущей грязи под танковыми гусеницами, причем без разницы, в какую сторону опять поползут эти гусеницы. Разве что в этот раз грязь может быть радиоактивной. Бездна юмора и оптимизма, короче говоря. Второй голос вполне соглашался с ним, добавляя, что, если все-таки дойдет до «самой последней войны», никакая ПРО ни Европе, ни Америке не поможет. А если президент США со своей кодлой думает, что сможет отсидеться в каком-нибудь уютном бункере, он сильно заблуждается насчет того, что ему, после всего, будет кем управлять. Первый голос добавил, что должность «Президент Ничего» – это круто, вполне в духе всей этой, как он изволил выразиться, «свидомой шелупони». Наши вожди и их перспективы в аналогичной ситуации в разговоре практически не фигурировали. Как будто нашим министрам и губернаторам будет кем и чем руководить после таяния сугробов ядерной зимы, если, конечно, они сами к этому моменту каким-то образом уцелеют. Как мне думается, при таком варианте кто-нибудь из чудом уцелевшего и сильно одичавшего электората непременно проломит им черепушку ржавой арматуриной. Впрочем, сейчас очень многих грела одна лишь мысль о том, что если мы умрем сегодня, то они (то есть те, кто затихарился за океаном) все равно умрут завтра. Но умирать раньше времени все равно не хотелось ни «нашим», ни «ихним»...

И, отправляя в рот очередной, вываленный в сметане пельмень, я моргнул, после чего вдруг обнаружил за кухонным столом напротив себя то, что ну никак не ожидал увидеть здесь и сейчас. А именно – знакомый лик Блондинки по имени Анна, в светлой блузочке и темных брюках. Она сидела и вопросительно-выжидательно смотрела на меня. Понимая, что это может быть надолго, я почти мгновенно доел четыре оставшихся на тарелке пельменя (в сильно остывшем виде этот продукт не столь питателен) и, не сделав никакой паузы и ничего не сказав, со всего размаху ткнул вилкой в знакомое личико – кухонный стол у меня не сильно широкий. Как я совершенно правильно предположил, вилка вошла в пустоту, немного не дойдя до стены, где-то на уровне носа Блондинки. А это означало, что явилась она ко мне в привычном виде голограммы. Очень интересно. Я залпом допил чай из кружки и только после этого поинтересовался:

– Ну, здравствуйте. Чем обязан? Вроде ни о чем подобном уговоров не было, возвращение от 23 февраля было недавно...

– Я тоже рада тебя видеть, – ответила Блондинка и сразу же, с места в карьер, перешла к делу: – Увы, но обстоятельства складываются таким образом, что тебе срочно нужно сходить в 1944 год...

– В наш 1944 год? – уточнил я. А то мало ли, ведь с ними никогда не знаешь, чего ждать. Здесь я поймал себя на мысли, что упорно называю Блондинку на «вы», а она мне снова «тыкает». И опять это получилось как-то непроизвольно, словно помимо воли.

– Естественно.

– Да ну? Опять? Я не раз и не два говорил, что с меня той войны, наверное, хватит. Тем более что мне туда вроде бы дорога заказана? Ведь у нас с вами уже был разговор на тему того, что я никогда не смогу повторно попасть в одно и то же время и место?! Причем это утверждали именно вы!

– Все верно. Но ведь ты же не в октябрь 1941-го пойдешь и вовсе не на фронт под Москву...

– Замечательно. То есть мне надо будет учитывать тот упрямый факт, что где-то у линии фронта бегаю еще один я, под личиной старшины Красной армии Потеряхина. Ей-богу, получается прямо как в «Назад в будущее-2».

- А в чем проблема? - изобразила непонимание моя собеседница.

- Да ни в чем. Ладно, будем, как обычно, считать, что вам виднее. Задам обычный для меня дурацкий вопрос - и почему опять я?

- На это будет столь же привычный ответ. Возник неожиданный форс-мажор, а свободных агентов, да еще и с кое-каким опытом, ближе тебя, увы, нет.

Чем дальше, тем больше у меня складывалось ощущение, что в этой странной конторе из будущего нет вообще никаких других агентов, раз уж меня каждый раз превращают в затычку для очередной бочки. Вслух я об этом, разумеется, не сказал.

- Допустим, - вроде бы нехотя согласился я. - И в чем, собственно, дело?

- Надо всего лишь срочно забрать и доставить к порталу для переброски к нам одного агента.

- И только-то? А вам не кажется, что вы меня несколько переоцениваете? И потом - вы же все из себя такие крутые. Ваш агент что, не в состоянии сам добраться из пункта А в пункт Б? Он что - руки-ноги переломал?

- Здесь есть пара сложностей.

Вот всегда у них на ровном месте какие-то сложности. Хотя, кажется, еще придурковатый американский генерал Паттон когда-то говорил о том, что если у тебя что-то идет строго по плану, то впереди явно ждут неизбежные неприятности.

- Например? - на всякий случай уточнил я. Интересно же, в конце концов...

- Во-первых, наш агент женщина, и, увы, она в интересном положении.

- Господи, - вырвалось у меня. - И как это ее угораздило? Ну, хотя, да - дело житейское: «Ты кого хотела - мальчика или девочку? Я вообще-то хотела всего лишь шнурок завязать». А представления о гондонах, сиречь, если выразиться

культурно, презервативах, у этих ваших людей из будущего, как обычно, никакого... Ладно, допущу подобный вариант «небоевых потерь». Ну и что с того? Я-то здесь при чем? Я же по этой части не специалист, не акушер и даже не парамедик. Или там все настолько плохо?

- Не то слово. Ее непосредственное начальство ослабило контроль, и, в нарушение всех правил и инструкций, рабочие отношения с одним «аборигеном» переросли в бурный роман с соответствующими последствиями, которые вполне можно было предполагать. Естественно, наше руководство в затруднении, поскольку это чуть ли не первый случай, когда женщину в таком состоянии будут возвращать обратно...

- Ага, стало быть, намечается не просто переброска, а некий очередной эксперимент на живых людях? Интересно...

- Да называй это как тебе угодно. Твоя задача простая - найти и препроводить интересующее нас лицо в целостности и сохранности до портала перехода, проследить, что объект отправился в нужном направлении, а потом вернуться. Только и всего. До родов и прочих осложнений дойти не должно, некий запас времени есть, но имей в виду, что ребенок в данном случае тоже важен. Вроде ничего сложного для тебя...

- Хорошо. И мне что - опять прикажете искать этого вашего агента в юбке по всей Европе и Африке?

- Нет. Сейчас там все более-менее известно заранее.

- Ладно, допустим. Тогда откуда и куда я должен доставить эту вашу то ли глупую, то ли развратную агентшу?

- Она сейчас в Словакии, в одной частной клинике санаторного типа. А доставить ее надо в район Ютеборг-Луккенвальде, если точнее - в небольшой университетский городишко Каффштайн. Это в Германии, чуть более полусотни километров южнее Берлина.

- Так. А время операции? Я имею в виду, в какой месяц 1944 года мне предстоит идти?

- В начало августа.

- Вы что там у себя - совсем офигели? Это, между прочим, тот момент, когда наши танки на Висле, в Румынии и у границ Восточной Пруссии, союзнички взяли Париж, а в Дриттенрайхе, после состоявшегося 20 июля неудачного покушения на фюрера и начатого пшеками 1 августа восстания в Варшаве, весь гитлеровский Зихерхейстдинст, в лице полиции, гестапо и контрразведки перманентно стоит на ушах! Ни фиги себе «ничего сложного»! И в этой обстановке всеобщей шпиономании, когда у меня буквально на каждом шагу будут проверять аусвайс, я должен буду преодолеть по прямой километров четыреста, да вдобавок еще и не один, а в компании этой вашей сомнительной дамочки?!! Да еще и двигаясь в самое «логово зверя»! Как вы вообще себе эту «спасательную операцию» представляете?

- Ну, во-первых, наша тамошняя агентура тебе поможет.

- Какая такая «ваша агентура»? Вроде минуту назад было сказано, что у вас вообще нет никаких «свободных агентов»? Или это опять какие-нибудь продавшиеся с потрохами бандюки и лженегоцианты, которые вместо «спасибо» предпочитают стрелять в спину?

- На сей раз нет. Завербованные, если можно так выразиться, нами люди там, конечно, есть, правда, их немного, и мы, как обычно, используем своих агентов втемную.

- В смысле?

- Ну не можем же мы рассказывать им правду. Поэтому они все думают, что работают то ли на германское антифашистское подполье, то ли на английскую разведку. Например, как раз в Каффштайне есть такой наш агент. Он там заведует одной якобы научной лабораторией...

- Что значит «якобы научной»?

- «Якобы», потому что это вотчина одного из отделов Аненербе...

– Ага, то есть сказочники? Исследования на грани шарлатанства? Ищут в потемках сопредельных миров следы каких-нибудь очередных прародителей человечества – трехметровых гигантов, которые могли левитировать, нырять на любую глубину, читать мысли и прикуривать от собственного взгляда?

– Вроде того. Они там, в частности, ищут пути и способы проникновения в другие измерения. Разумеется, это все чушь собачья, но все-таки за эти «исследования» их участники получают усиленные пайки и бронь от отправки на Восточный фронт. Так вот – аппаратура нашего портала находится в одном из подсобных помещений этой лаборатории. Соответственно, после того, как ты добираться до Каффштайна, остальное будет делом техники. Агент проводит тебя до самых дверей. Правда, он не знает, что это портал перехода, он думает, что это некая очень сложная связная аппаратура...

– Стоп. А почему этот агент не может сам поехать в Словакию и сопроводить вашу шпионку до места? Ведь это куда проще, чем засылать туда специального человека, да еще такого, как я?! В конце концов, ваш агент живет там под своей, а не чужой личиной, имеет подлинные документы и еще много чего полезного!

– У них там идет война, и из-за этого действуют сильные ограничения в плане передвижения, – сказала на это Блондинка. – И покинуть пределы Третьего рейха для наших немногочисленных тамошних агентов не так-то просто, как тебе может показаться...

– А мне это, типа, легко? – искренне удивился я, впрочем, уже вполне поняв, что Блондинка что-то явно недоговаривает. Похоже, не все так просто было с переправкой этой агентши, она не просто – где-то должна была обязательно обнаружиться некая гнильца или второе дно. Однако, поскольку мне эти закидоны работодателей были уже привычны, я опять предпочел смолчать.

– У тебя будет паспорт нейтральной страны и легенда коммерсанта, фирма которого давно торгует с Германией, – постаралась успокоить меня Блондинка. Но вышло как-то неубедительно.

– Паспорт какой – швейцарский, шведский, испанский, португальский, латиноамериканский??

– Нет. Турецкий.

– Смешно. Нет, вы точно офигели! – сказал я на это, понимая, что не ослышался.

– Извини, дорогой, спешка...

– А-а, понял вашу задумку, некая логика в этом все-таки есть! – сказал я, с минуту пошевелив мозгами. – Ведь турецкий паспорт, в отличие от шведского или швейцарского, хрен так просто проверишь, поскольку «Восток дело тонкое», держава предельно коррумпированная и безалаберная и так далее?

– Правильно понимаешь, молодец.

– Так. А вам, случайно, не приходило в голову, что я, со своей рязанской харей, как-то не очень похож на турка?

– Ну, технически ты вовсе не турок. По легенде ты незаконный отпрыск венгерского князя Иштвана Запольяи и примы одного из будапештских варьете Фриды Вьербановой, болгарки по национальности.

– Это, миль пардон, не легенда, а прямо-таки какая-то очередная, доселе неизвестная почтеннейшей публике оперетта Имре Кальмана. «Сильва-2» или что-то типа того. А Турция-то здесь вообще при чем?

– При том, что эта твоя якобы мамаша, после того, как князь Запольяи отказался заключать брак с ней и признавать младенца, взяла да и вышла замуж за немолодого, но богатого турецкого купца по фамилии Йылдырым. Сам понимаешь, время было сложное, самый конец Первой мировой войны, все летело к черту, и каждый искал способ устроиться покомфортнее...

– Как-как? – переспросил я. Чувствовалось, что при проверке документов гестаповцы и прочие шуцманы будут прямо-таки в восторге от такой фамилии. В прошлый раз я был Аморалкиным, а теперь и вовсе Запольяи-Вьербанов-Йылдырым – просто язык сломаешь. А, с другой стороны, в момент моей учебы в аспирантуре турки у нас были частыми гостями, и я даже запомнил кое-что из наиболее ходовых выражений на их родном языке, между которыми для большего запутывания противника можно спокойно вставлять и что-нибудь по-

татарски. Опять-таки, турецкий паспорт будет очень хорошо объяснять мой откровенно ломаный немецкий язык, – так что легенда в этот раз была придумана не самая плохая.

– По документам ты Йыгыт Йылдырым, – уточнила Блондинка. – Твои почтенные папаша и мамаша уже умерли, а ты, по легенде, работаешь в семейном бизнесе, в стамбульской фирме «Iskur-Tekstil», которая занимается в основном поставками хлопка и имеет представительства в Каире, Париже, Мадриде, Лиссабоне, Варне, Бухаресте, Будапеште, Цюрихе, Стокгольме, Берлине и Хельсинки. А поскольку хлопок, как известно, идет не только в текстильное, но и в пороховое производство, представители этой фирмы – частые гости в Третьем рейхе.

– Ладно, это я понял. А кто наша клиентка?

– По паспорту – Ката Дешеффи, венгерка и даже какая-то там захудалая графиня. Филолог, лингвист, специалист по древним рукописям...

– Стоп, – прервал я Блондинку. – А эта ваша лжевенгерка по-русски вообще-то говорит? А то не хватало еще жестами объясняться...

– Наша агент говорит на любом языке, – ответила Блондинка. Что-то в этом ответе меня подсознательно удивило, но вслух я снова ничего не высказал, а зря. Надо было мне, дураку, все-таки заранее уточнить насчет столь выдающихся способностей моей будущей подопечной, глядишь, потом было бы меньше сюрпризов. Но, как говорится, увы...

– Там она известна еще и как любовница итальянского герцога Джованни Урбино, – продолжала меж тем Блондинка. – Накануне войны работала в Италии и на Балканах. Там в какой-то момент встретила этого герцога, ну и завертелось. При этом герцог этот был не так уж прост – монархист, имевший отношение к свержению и изоляции Муссолини...

– «Был»?

– На момент твоего прибытия он уже месяца три как покойник. В Генуе чисто случайно угодил под союзный авианалет. Но до самого момента гибели и герцога, и его любовницу активно искали СД и контрразведка «Итальянской Социалистической Республики». Прекратили ли они поиски – нам точно

неизвестно. По идее, паспорт у нашей женщины венгерский, но она вполне может пользоваться и еще какими-то документами на другие имена и фамилии. По нашим данным, она должна находиться в частном санатории в местечке Млчанво, это в Словакии, неподалеку от Банской-Бистрицы. Выкинет тебя рядом с городком Брезно. Там живет наш агент, который должен знать некоторые подробности насчет местонахождения твоей клиентки и общей ситуации. Он тебя проводит и снабдит всем необходимым.

- Понял. Действительно, на первый взгляд, все вроде просто – проводить и более ничего. Оружие и деньги мне полагаются?

- Естественно, тайник с документами и еще кое-чем на первое время будет на месте твоего появления.

- Хорошо. И когда начинаем?

- Да прямо сейчас, этой ночью.

- Нет, вы точно офигели!

- Что поделать, я тебя предупреждала насчет спешки. Если бы обстоятельства не требовали, меня бы здесь не было. Только постарайся одеться хоть приблизительно в соответствии с временем года и эпохой. Потом наш агент тебя переоденет. По крайней мере, очень на это надеюсь...

Еще с час у нас ушел на выяснение различных мелких деталей и запоминание явок и паролей. Потом Блондинка пожелала мне удачи и растворилась в воздухе, а я начал сборы.

А спустя шесть с лишним часов с момента нашей встречи, в третьем часу ночи, я вышел из своей квартиры, опустив ключи в почтовый ящик (в конце концов, обратно я вернусь этой же ночью, плюс-минус несколько часов, так что самого факта этого путешествия никто и не заметит) и не имея в карманах ничего, кроме носового платка.

Спящий город (а это была ночь со среды на четверг, самая середина недели) встретил меня темными окнами домов и желтоватыми шарами света уличных

фонарей. Было довольно холодно, но с крыш текло, а в заковавшем асфальт за зиму льду уже успели протаять широкие прогалины, местами переходившие в колеи. По ним я и двинулся в сторону нашего парка Победы, хрустя тонкими подошвами по накопившемуся за зиму продукту деятельности дворников (песку то есть), перепрыгивая через лужи и колдобины.

Со стороны я в тот момент, наверное, смотрелся полным идиотом в старых штиблетах из кожзаменителя, поношенных темно-серых брюках, клетчатой рубашке с многочисленными латками, ветхой бежевой куртке из плащевки (все эти обноски все равно были приговорены отправиться этим летом в огород «для окончательного донашивания», лучше пусть послужат правому делу, тем более что как именно я буду одет в момент возвращения, предполагать заранее было сложно) и довольно ветхой серо-зеленой шляпе непонятного фасона – как эта шляпа оказалась у меня, я вообще не смог вспомнить.

Но, на мое счастье, город словно вымер, и мне не попадались не только прохожие (какой дурак, кроме меня, пойдет гулять по грязному апрельскому льду?), но и машины в этот час уже были более чем редки. А городской транспорт в такие часы уже практически не ходит.

В принципе, какой-нибудь случайный свидетель мог видеть, как странноватый, явно слишком легко одетый для начала апреля мужик в шляпе (какая-нибудь слишком рано проснувшаяся и мучимая похмельем пропадающая пьянь?) перешел залитую весенней водой трамвайную линию, лавируя между хаотично припаркованными машинами, прошел через двор, по дороге между домами и забором школы № 86, потом перешел дорогу у перманентно запертого входа на стадион «Нефтяник» и наконец углубился в парк Победы, оставив слева торчащие из снега березы и лиственницы, а справа – фундаментальный забор, за которым маячили во тьме малое футбольное поле, здание бассейна (в последний год закрытого на ремонт) и длинный ангар, когда-то выстроенный для упражнений в пожарном многоборье. Спустившись немного ниже, неизвестный в шляпе оказался у памятника морякам в виде установленной на бетонное основание отпиленной в процессе утилизации от атомной подлодки проекта 671 (по-моему, именно такая лодка изображала американскую в старом фильме «Случай в квадрате 36–80») рубки со всеми полагающимися перископами и прочими выдвижными устройствами – видимо, для точного наведения и окончательной привязки аппаратуры временной переброски моим работодателям, как обычно, требовалась крупная масса металла. Левее рубки просматривался в темноте толстый то ли столб, то ли колонна с барельефами

известных российских адмиралов (в число которых почему-то затесался царь Петр I, видимо, как основатель буквально всего на Руси, включая и флот), мокрые учебные торпеды и памятник «тем, кто ждет моряков», в виде некой бронзовой бабенки, символизирующей непонятно кого. С равной долей успеха можно было бы считать, что это гриновская Ассоль или просто какая-нибудь абстрактная «рыбачка» – скульптор был явным халтурщиком и избытком художественного таланта не страдал.

Далее неизвестный (то есть я) прошел мимо рубки подлодки и, повернув направо, стал спускаться по бетонным ступеням ведущей в сторону бассейна недлинной лестницы. А, переступив через третью ступеньку, неизвестный неожиданно исчез, просто растворившись в воздухе. Собственно, с этого все и началось.

История 1

Мой отчим был турецкий подданный. Суета в тылу большой войны

Окрестности города Брезно. Словакия. 4 августа 1944 г.

Когда я открыл глаза после пронизывающей сырости апрельской ночи, вокруг было тепло и солнечный свет причудливо играл в зеленой листве деревьев – конец лета, благодать, леса еще толком не начали желтеть. В чаще вокруг меня одуряюще пахло свежей и прелой травой, смолой, медом и какими-то цветами, в воздухе жужжали насекомые, слышались и голоса каких-то птиц. Например, по специфическому свистящему треску я понял, что мое появление шугануло любящих тишину сорок. А раз они всполошились, значит, человека давно не видели. Это было хорошо – свидетели мне точно не требовались. Немного осмотревшись, я понял, что, судя по всему, попал куда нужно. Слева, где-то у самой линии горизонта смутно маячили за деревьями невысокие то или хребты, то ли сопки, поросшие лесом. Надо понимать, словацкие Рудные горы. Если это было так, мне следовало в точности соблюдать инструкции Блондинки и идти направо – сначала подобрать оставленную работодателями закладку с документами и прочими «причиндалами первой необходимости», а затем выбираться через лес к дороге. Нужный мне городок Брезно должен был находиться километрах в десяти южнее места моего появления.

Пройдя километра полтора в предписанном заранее направлении (хотя я и не уверен, что удерживал его на 100 %, за отсутствием компаса и иных средств навигации), я быстро нашел то, что искал. На сей раз местом для закладки был выбран довольно приметный старинный серый каменный крест, который я после недолгих поисков обнаружил на лесной поляне, за кустами терновника. В принципе, через поляну проходило нечто, похожее на тропу. Но судя по высоченной, вымахавшей за лето в стрелку траве, здесь очень давно никто не ходил. Да и вообще, как я уже успел отметить, каких-то признаков присутствия человека в этом лесу категорически не обнаруживалось. Кстати говоря, что это был за крест – я, честно говоря, не очень понял. Хотя на поросшем мхом выщербленном веками атмосферных осадков кресте я смог рассмотреть какие-то буквы и очень характерный символ в виде чаши. Гуситы? Если этот крест действительно имел отношение к ним, то это аж XV век. То есть очень давно. И что такого забыли в горах Словакии буйные последователи Гуса и Жижки – черт его знает. Это вполне могла быть и могила какого-нибудь «божьего воина», и просто какой-нибудь памятный знак. Вникать я не стал, тем более что мне не было решительно никакого дела до этого креста, а историей Гуситских войн я никогда не интересовался. Да и не за этим я сюда пришел.

Как и сказала мне Блондинка, позади холмика у основания креста лежал практически неразличимый в траве плоский камень, который вполне мог быть куском расколотой могильной плиты или чего-то подобного, но выглядел значительно свежее креста. Слава богу, в этот раз копать мне не пришлось. Подцепив руками края камня, я приподнял его и с удовлетворением обнаружил в открывшемся углублении (кусочек дерна под камнем был кем-то аккуратно срезан) два небольших целлофановых свертка.

В первом был паспорт с вложенными в него бумажками и туго набитый кожаный бумажник самого что ни на есть пижонского вида. Ну, паспорт был, как мне и пообещали, тот самый, международный турецкий, не новый (состарить, как, впрочем, и напечатать, турецкий паспорт периода первой половины XX века для тех, кто меня сюда прислал, видимо, было сущим пустяком), серо-зеленого цвета, в центре титульного листа обложки оттиснуты позолоченный полумесяц, между «рогов» которого расположилась пятиконечная звезда. Вверху было написано «TURKIYE CUMHURİYETİ» – «REPUBLIC OF TURKEY». А пониже полумесяца имелась вторая надпись «PASAPORT» и тоже с переводом с турецкого на международный – «PASSPORT». Звали меня сейчас, как меня предупреждали, Йыгыт Йылдырым. Вроде бы «Йыгыт» это какое-то производное от «Джигит». Фотография в паспорте была моя, только я там был какой-то слишком уж

загорелый, с маленькими усиками, излишне хитрыми глазами и странной прической – волосы по моде тех лет зачесаны назад. В таком виде я сильно напоминал сам себе отпетого негодяя или американского шпиона из советских фильмов 1950-х гг. (кстати, тогда мерзавец и вражеский агент очень часто совмещались в лице одного персонажа) и выглядел очень подозрительно. Оставалось надеяться, что разного рода сексоты и жандармы не обратят внимания на подобные досадные мелочи. Что еще сказать – паспорт был выдан Министерством внутренних дел Турецкой Республики в декабре 1942 года. И, судя по украшавшим соответствующие его страницы многочисленным штампам, за последние полтора года я не менее восьми раз бывал на территории Третьего рейха, а также по несколько раз проезжал через Болгарию, Венгрию, Румынию, Словакию, Хорватию и даже Швейцарию. Последний по времени штамп свидетельствовал о том, что венгерско-словацкую границу я пересек 29 июля 1944 г.

В паспорт была вложена некая сложенная вчетверо бумажка на увенчанном имперским орлом со свастикой в лапах казенном бланке, с моей фотографией, несколькими подписями и донельзя солидного вида германскими печатями. Насколько я понял этот немецкий текст, там было сказано, что «Herr Y. Yildirim» (то есть я) работаю в фирме, ведущей дела с Reichswirtschaftsministerium (оно же RWM – Имперское Министерство экономики), а конкретно с его 1-м главным управлением, занимавшимся промышленностью и торговлей. Рассмотрев подписи внимательнее, я увидел, что, между прочим, этот документ подписан самим статс-секретарем RWM, группенфюрером СС Отто Олендорфом, при этом одна из украшавших сей «папир» печатей была личной печатью данного деятеля. Эта фамилия показалась мне смутно знакомой, и после некоторого напряжения памяти я вспомнил – ну да, был у арийцев такой голимый злыдень из самых что ни на есть черных СС. До момента, когда этого хренова Олендорфа отправили укреплять имперскую экономику, он успел покомандовать различными айнзатцгруппами на юге оккупированной части СССР. Так или иначе, под его непосредственным руководством тогда поубивали массу народа (в основном, как обычно, невинного, из числа гражданских), а сбежать за границу или отмазаться от обвинений трибунала после краха Третьего рейха герр Олендорф не сумел, в результате чего и был повешен 7 июня 1951 г. Такая вот «шикарная карьера». Что мне давала эта бумажка – не очень понятно, тем более что там ровно ничего не было сказано насчет оказания мне какого-либо содействия или чего-то в этом духе. Однако, при серьезной полицейской проверке, какую-то роль подпись и печать статс-секретаря в ранге группенфюрера СС вполне могла сыграть. А вот если я, с этой бумажкой в кармане, попадусь к каким ни есть партизанам или подпольщикам, меня могут

запросто и без лишних разговоров укокошить как «пособника оккупантов». Так что следовало сто раз подумать, перед кем стоит светить сей документ, а перед кем вовсе даже наоборот.

Также в паспорте лежали два выписанных на мое имя разрешения на ношение оружия – одно не вполне понятное мне турецкое (у турок и буквы вроде бы похожи на латинские, но вот слова из них всегда складываются какие-то, напрочь непроизносимые), второе выданное немцами. Конечно, Европа 1944 г. – это вам не Дикий Запад времен фронта, но таскать пистолет в кармане – вовсе не лишняя предосторожность для коммерсанта, а уж тем более иностранца.

В моем бумажнике обнаружился толстый пресс из примерно десяти тысяч рейхсмарок. Там были зеленовато-коричнево-бежевые бумажки по 20 рейхсмарок и серо-зеленые купюры по 100 рейхсмарок, стандартного для Дриттенрайха мрачноватого дизайна: с одной стороны – какой-то скульптурный профиль в венке, в окружении странноватых древних полуодетых баб, с другой стороны – портреты каких-то пожилых государственных деятелей в старинных сюртуках. Также там было пять сотен английских фунтов, полторы сотни долларов (интересно, как в тогдашнем Третьем рейхе относились к тем, кто таскает в бумажнике вражескую валюту?). Плюс к этому, в бумажнике лежало россыпью небольшое количество прочих валют. В частности там было около сотни синеватых турецких лир-пятерок с портретом какого-то государственного деятеля во фраке и белой бабочке и зеленоватые бумажки по 10 лир, пара тысяч словацких крон, зеленовато-бежевыми бумажками по сотняге (с изображением герба Словакии и какой-то бабы в национальной одежде), а также около тысячи весьма странных венгерские пенге (всю жизнь думал, что у них в качестве национальной валюты всегда были форинты) – зеленовато-коричневые бумажки номиналом по 10 и 20 пенге, тоже с какими-то бабами, и красноватые по 50 пенге, с портретом некоего пышноусого мэна в старинном головном уборе непонятного фасона.

На лежавшую вместе с бумажником чековую книжку я особого внимания не обратил – чтобы воспользоваться ею, мне сначала требовалось основательно потренироваться в искусстве росписи, ориентируясь на подпись господина Йылдырыма в паспорте.

Во втором свертке было то, на что у меня было разрешение в двух экземплярах – заряженный пистолет знакомой мне системы «Люгер», он же «Парабеллум» (калибр 9 мм, модель, похоже, 1908 года, стандартный армейский образец,

только отделан чуть богаче тех, что мне попадались раньше) и две запасные обоймы к нему. Вообще, это в традициях восточных торгашей и путешественников – всегда иметь при себе серьезный и многозарядный ствол. В конце концов, тот же знаменитый «Маузер К96» с его длинным стволом, изрядным боекомплектом и деревянной кобурой-прикладом (еще до того, как этот пистолет сердечно полюбили германские и японские офицеры, красные комиссары и прочие испанские анархисты и троцкисты) позиционировался производителями именно как наилучшее средство защиты для путешественников по диким местам и колониям.

Кроме пистолета там лежал швейцарский армейский складной нож, коричневого цвета, как и положено, с красно-белым щитком на рукоятке и клеймом с буквами «Wenger Delemont» у основания самого широкого лезвия. Подозреваю, что в нашем времени такой ножичек стоит немалых денег.

Также во втором свертке была явно недешевая зажигалка марки «Зиппо» и две непечатых пачки сигарет «Кэмел». Я сам не курю, но эту логику моих работодателей вполне понял – иногда куда полезнее дать кому-то закурить, чем отказать. Это неизменно придает общению душевности, особенно если сигаретку просит некто в форме и с оружием. Судя по отсутствию в закладке консервов, ручных гранат и бритвенных принадлежностей, путешествовать налегке мне предстояло недолго.

Рассовав все найденное по карманам и проверив пистолет, я, с помощью зажигалки, сжег упаковочный целлофан, подождал, пока догорело, вернул крышку тайника на место, отряхнул руки и пошел в ту сторону, где, согласно данным мне инструкциям, должна была проходить дорога в сторону Брезно. Шел я довольно долго, однако не скажу, что это было слишком утомительно – здешние культурные леса не изобиловали оврагами, ямами, колючими кустами или, к примеру, звериным либо человеческим говном, коварно притаившимся в траве и поджидающим одиноких путников.

В какой-то момент по моим ушам неожиданно ударил смутно знакомый звук, похожий на очень громкий, но предельно неразборчивый человеческий вопль. Я остановился и замер, старательно прикинувшись ветошью. Неужели это меня окликнули? Однако «внебрачный крик аморала» разом сменился другим знакомым шумом, и спустя считанные секунды я понял, что это, видимо, цокот конских копыт. Значит, дорога действительно была уже где-то рядом. Судя по дробному, множественному звуку там скакало несколько всадников, но явно не в

мою сторону. И, по-моему, к стуку копыт примешивался еще какой-то слабый шум. Я ускорил шаг, а когда за деревьями наконец замаячили какие-то продолговатые темные пятна, я остановился посреди кустов и отошел за ствол ближайшего дерева. Высунулся из своего укрытия и обомлел – по мощенной камнем дороге скакали с десятков рыцарей с длинными копьями на изготовку. Вроде бы вполне себе средневековых, в доспехах, с перьями на глухих шлемах с забралами и в разноцветных плащах, с вычурными гербами на щитах. Судя по всему, лязг их доспехов и был тем дополнительным звуком, который накладывался на цоканье копыт. Это что, блин, такое?

– Едрит твою мать! – невольно вырвалось у меня вслух. Рыцари, значит. Тяжелая, растудить ее, кавалерия... Только этого мне и не хватало... Это куда же, интересно знать, меня занесло? Неужели мои чертовы работодатели на сей раз столь пошло ошиблись? Между тем, рыцари проскакали мимо меня мелкой рысью, и я чисто машинально отметил, что вид у них какой-то, мягко говоря, не очень достоверный (ткань плащей, доспехи и оружие выглядели как-то легковесно и дешево, а гербы на щитах, такое впечатление, нарисовали по трафарету), да и дорога все-таки была слишком современной для Средневековья. Миновав меня, рыцари несколько сбавили ход и проскакали за поворот дороги. А спустя пару минут я неожиданно услышал усиленный явно мегафоном грубый и уже, можно сказать, смутно знакомый голос (а это именно он проорал что-то неразборчивое накануне), возгласивший на чистой немецкой мове:

– Stop! Geschossen! Danke an alle! Eine Pause!

Ага, стало быть, стоп, снято, всем спасибо, перерыв. Я пригляделся и увидел, что рыцари остановили коней и с трудом спешиваются. А на дорогу у поворота выехал темно-зеленый пикап на базе малолитражки «Вандерер» и высыпали какие-то люди, чей облик вполне соответствовал нужному мне столетию – несколько мужиков в кепках и мятых широких брюках с расстегнутыми воротами рубашек, среди которых затесалась завитая мелкими кудряшками баба в цветастом платье с обширным бюстом. Потом появилась еще одна баба, помоложе и ниже ростом, в переднике поверх синего платья и с подносом в руках. На подносе были какие-то чашки. Кофе пьют или чаек? Или шнапс хлещут под видом кофе?

Меж тем мужики принялись помогать рыцарям спешиваться и освобождаться от шоломов и доспехов, что, судя по всему, было не так уж просто. Слышались

продолжительные «доннерветтернохайнмали». Чуть дальше едва просматривалась еще пара легковых машин и, кажется, громоздкая, старинная кинокамера на каком-то хитром, подвижном станке и несколько осветительных приборов.

Фу-у. У меня сразу же, что называется, отлегло от сердца. Стало быть, это действительно всего лишь кино. Важнейшее из искусств в период полной неграмотности народонаселения. А раз говорят по-немецки, значит, это какая-нибудь гитлеровская студия «UFA-Film». Ну-ну. Никто так не снимал кино, как Лени Рифеншталь... И то, что эти геббельсовские киношники снимали свое кино в Словакии, вполне логично – здесь пока что было спокойно, и сытнее, и фронт еще довольно далеко, да и сильно не бомбят. Хотя уже не так долго осталось до того момента, когда и здесь начнется бог знает что.

От нервного напряжения возник пикантный момент – мне сильно захотелось по-маленькому. Я отошел от дерева немного в глубь леса, расстегнулся и с наслаждением оросил ближайšie кусты жидкостью, завезенной сюда из далекого будущего.

– Т-т-товарищ, – неожиданно и совершенно не к месту прозвучал в лесной тишине чей-то робкий и даже какой-то детский голос. Что характерно – ровно в тот момент, когда я застегнул брюки. Очень деликатно со стороны неизвестного. А ведь мог бы окликнуть и раньше, а потом и по башке меня стукнуть, в донельзя удобный момент, когда я от неожиданности второпях защемлю zipperом крайнюю плоть.

Я сунул руку в правый боковой карман куртки, где лежал пистолет, и резко повернулся на голос. В кустах, метрах в трех от меня мялась, переминаясь с ноги на ногу, некая облезлая личность небольшого роста. Харя у неизвестного была молодая и курносая, без всякого сомнения славянская, хотя сильно небритая, с заметно ввалившимися от длительного недоедания глазами и щеками. На голове неизвестного проклевывался неряшливый ежик светлых волос, из чего можно было понять, что до недавнего времени мой собеседник был обрит наголо. На неизвестном были мятые серые брюки и пиджак, испачканные на локтях и коленях землей и травяной зеленью (по-пластунски ползал?), как минимум на размер больше, чем ему было предопределено природой (из чего я заключил, что шмотки эти были краденые – к гадалке не ходи). В излишне широком вороте пиджака проглядывала непонятного цвета грязная бязевая рубаха, а на ногах неизвестного (хотя я и плохо видел его

ступни среди травы и кустиков) были крайне грубые ботсы, самого что ни на есть арестантского вида. В опущенной правой руке мой собеседник держал небольшой ломик с расплюснутым и слегка загнутым концом, который в русском языке обычно именуется «гвоздодер», «монтажка», а еще почему-то «разрыв-трава». Не иначе тоже успел где-нибудь ненароком скоммуниздить...

Вот только не хватало мне, для полного счастья, в самый неподходящий момент нарваться на такого, с позволения сказать, «беглого каторжника»...

– А ну брось! – сказал я по-русски. После чего вынул «люгер» из кармана, дослал патрон в ствол и прицелился в переносицу неизвестному.

Тот то ли не ожидал от меня такого резкого сюжетного поворота, то ли ему было уже все равно. Во всяком случае, пальцы его руки послушно разжались, и железка упала на землю.

– Тамбовский волк тебе товарищ, – сказал я, все так же держа его на прицеле. – Ты вообще кто такой, чудо в перьях, что здесь потерял и зачем по этим лесам шляешься? Я так понимаю, что ты из лагеря слинял?

– А как вы догадались? – искренне удивился мой собеседник.

Тоже мне теорема Ферма, блин...

– Одежда у тебя ну очень характерная, явно с чужого плеча, – охотно пояснил я. – Физиономия предельно отощавшая, ну и прочее в том же стиле. Так что мне насчет тебя все до слез понятно, даже если ты и не захочешь ничего рассказывать. А ну-ка, докладывай, как на духу, почему это ты ко мне подошел и при этом первым делом задал вопрос по-русски?

– А я сначала увидел, как вы шли лесом. Пошел за вами. А потом, глядя на всадников, вы выразились по-нашему...

Ну да, вот так вот шпионы (даже самые гениальные) и прокалываются, на всяких там долбанных мелочах и деталях вроде отпечатков пальцев на чемодане с рацией, бумажек с совпадающим шифром, неряшливо зарытого в лесу парашюта или забытого в такси перочинного ножа. И интересно, почему это я не слышал,

как он крался за мной? А ведь он явно сопровождал меня довольно давно. Все-таки неисправимо городской я человек, полный ноль в лесу... Что тут сказать – явное мое упущение, переходящее прямо-таки в злостное раздолбайство...

– И что это за хреновы рыцари? – спросил я, продолжая держать собеседника на мушке. Надо сказать, что он не трясся, глядя в черноту дула. Или уже привык, что его без всякого повода бьют по почкам и тыкают в нос пистолетом, или понимал, что, скорее всего, я не буду стрелять – а то киношники услышат и набегут. Только ведь он упускал другой немаловажный момент. Забыл о том, что пристрелить типа вроде него на территории Дриттенрайха или какой-нибудь союзной Гитлеру страны – мелочь, о которой не стоило даже говорить.

– Какая-то киногруппа, – последовал ответ.

– Это я, милоч, и сам вижу. Не слепой.

– Снимают какое-то историческое кино. Псы-рыцари. Прямо «Александр Невский» какой-то, только ихний. Ну а говорят сплошь по-немецки, стало быть фрицы...

– Спасибо, это я тоже уже успел понять. И зачем ты, интересно знать, их пасешь?

– С позавчерашнего дня ничего не ел...

– Охотно верю. И что? С киношниками какая связь?

– А у них тут, на окраине городка, временный бивак, палатки там, вагончики, буфет и охраны никакой...

– И что с того?

– Хотел, как стемнеет, попробовать разжиться чем-нибудь съестным...

– Ну-ну. Только я не думаю, что у тебя бы это получилось, с твоей-то монтировкой. С вероятностью процентов в восемьдесят тебя при такой попытке повяжут, отметелят как грушу и сдадут в какое-нибудь местное гестапо, гепо или крипо. Даже если там нет оружия и охраны, недостатка в здоровых и сытых

мужиках с пудовыми кулаками у этих киношников явно нет. А что, интересно знать, ты про меня думаешь?

– А чего тут думать? Раз вы при оружии и в кустах ховаетесь, значит, наш!

– Какой такой «ваш»?

Сказав это, я увидел, что от данного уточнения моему собеседнику впервые с момента начала нашего разговора стало явно не по себе (его глазенки забегали в явных раздумьях о попытке к бегству). Оно и понятно. В 1944 году «русский» далеко не всегда было синонимом слова «наш» или «советский». Тогда вообще излишне много всякого говна по свету шлялось.

– Ну, разведчик какой-нибудь, – предположил он наконец, подумав несколько секунд. Правильно сформулировал, если наш, то непременно «разведчик», а если враг, тогда «шпион»...

– Да ты молодец, соображаешь. Допустим, что насчет меня ты все правильно понял. Только ведь ты забываешь, что мне теперь, по элементарной логике, придется тебя шлепнуть для сохранения секретности. Даже если я «наш» на сто десять процентов...

– Не надо! – выдохнул на это мой собеседник одними губами, разом поняв, что я мог и не шутить. И в глазах его таки появился страх. – Христом-богом... – так же беззвучно запричитал он без всякой паузы. Ага, раз советский человек бога вспомнил, значит, точно проняло.

– Хорошо, – сказал я. – Убивать тебя я пока погожу. Но ты-то сам кто такой?

Его тихий рассказ был сбивчив и перескакивал с пятого на десятое. Звали моего нового знакомого Вася Жупишкин. А точнее, Василий Маркелович Жупишкин, двадцати трех лет от роду, из Кулунды, Алтайского края. В плен к немцам попал на Юго-Западном, в октябре 1942 года. Дальше обычная история – «Шталаг», рабочие, то есть, лагеря, где работал куда пошлют – разгружал тяжести, надрывал анус в каменоломне, на строительстве дорог, разборке руин и прочих земляных работах. В последнее время, по его словам, работал на каком-то немецком аэродроме в соседней Силезии. Десять дней назад их погрузили в вагоны и куда-то в очередной раз повезли. Ночью, по пути, где-то в районе

Закопане их эшелон попал под бомбежку. Охрана частично погибла, частично разбежалась, и, естественно, уцелевшие пленные немедленно дали дёру в разные стороны. Точнее – бездумно ушли на рывок, не думая о маршруте и последствиях. Лично он бежал в компании двух товарищей по несчастью, один из которых был то ли из комсостава, то ли просто шибко грамотный, поскольку немного знал по-немецки и по-польски. Поначалу им, вроде бы, повезло. Сначала натолкнулись на какую-то лесную сторожку, где, судя по всему, жили лесорубы или пастухи, отсутствовавшие в тот момент. Сбили замок с двери, вошли, сперли скудную одежку и немного хлеба и овощей. Потом старались идти на восток. Однако обратили внимание, что вокруг слышны разговоры на каком-то не очень понятном языке. На третий день вышли к сельской ферме с коровами, где их неожиданно застукал хозяин. Фермер вроде бы понял ломаный польский одного из коллег Жупишкина и поначалу отреагировал на их появление более-менее спокойно. По словам Жупишкина, они с товарищами подумали даже, что хозяин фермы – наш человек, поскольку он отвел их под навес и накормил хлебом и супом. Однако, пока беглецы ели, хитрожопый фермер послал своего пацана за полицией. Явились двое жандармов, после чего Жупишкину с товарищами пришлось срочно разбегаться куда глаза глядят. За Жупишкиным не погнались, но о том, что стало с остальными двумя, он теперь даже боится предполагать, поскольку слышал, как жандармы стреляли несколько раз. В процессе унесения ног до Жупишкина наконец дошло, что на жандармах была очень странная форма, не немецкая, но и не польская. Из этого он сделал вывод, что, кажется, сильно заплутал.

Я терпеливо выслушал этот его рассказ. Конечно, пристрелить бедолагу Жупишкина было бы проще всего. Но, с другой стороны, если он, конечно, не врал, готовый на все человек для разного рода мелкой работы, вроде «сходи-подай-принеси», мне бы в тот момент пригодился. Конечно, считать его явление за некий «рояль в кустах» явно не стоило, поскольку это создавало разные дополнительные сложности. Но я очень надеялся, что агентура моих работодателей поможет мне как-то легализовать этот нечаянный «подарочек судьбы», снабдив его хоть какими-нибудь документами. Лихорадочно прикидывая возможные варианты, я понял, что факты насчет плена и прочего вряд ли поддаются быстрой проверке – татуировки с порядковыми номерами заключенных на левом предплечье делали только в Освенциме и, возможно, в некоторых других крупных концлагерях, вроде Бухенвальда. Но отнюдь не в многочисленных рабочих лагерях для военнопленных. Так что было бессмысленно просить Жупишкина закатать рукав. А значит, в чем-то приходилось верить моему новому знакомому на слово.

– Ты вообще-то кто был, в прежней жизни, то есть до плена?

Как выяснилось, Жупишкин был старшим сержантом ВВС РККА. Летчик-штурмовик, с «Илюхи-горбатого». Стандартная биография. Восьмилетка в родной Кулунде, потом кооперативный техникум в Барнауле и, параллельно, местный аэроклуб, организованный в 1935 году. Едва успев закончить техникум, сразу после начала войны Жупишкин, как и многие, записался добровольцем. Его отправили в авиашколу в Энгельс. Методика обучения несколько раз менялась. Сначала Жупишкина учили как штурмана на бомбардировщик СБ, но потом резко сменили профиль и сократили срок обучения. В итоге выпущен он был пилотом Ил-2 и некоторое время отирался в запасном авиаполку, где при избытке пилотов ощущался хронический некомплект самолетов и вместо «Илов» использовали И-153 – вполне обычное дело для первого года войны. На фронт он попал в самое что ни на есть поганое и горячее время, весной 1942 года, 619-й ШАП, Юго-Западный фронт. О своей боевой деятельности Жупишкин рассказывал путано. В основном, я понял главное – на фронте ему почему-то не везло прямо-таки фатально, хотя раньше, при полетах в аэроклубе или училище, этого не было. Во-первых, он был «вечный ведомый». Во-вторых, всего Жупишкин успел выполнить тридцать один боевой вылет, но при этом ему ни разу (!) не удалось без проблем вернуться на аэродром и нормально посадить самолет. Каждый раз его сбивали или подбивали, иногда на пути к цели, иногда – на обратном пути. В лучшем случае, он дотягивал до своего аэродрома и сажал подбитый или горящий «Ил» на брюхо. В худшем – садился на обратном пути на вынужденную или же прыгал с парашютом. Два раза он оказывался на немецкой стороне фронта, но все-таки удавалось добраться до своих. Благо тогда немцы еще наступали и окопов особо не рыли. В третий раз ему пришлось покинуть подбитый Ил-2 прямо над немецкой мехколонной, и тут уже было без вариантов – хорошо, что хоть сразу не пристрелили. Ну, как по мне, эти его похождения были вовсе не признаком невезения, а скорее наоборот. Ведь все эти неведомые лейтенанты и капитаны, летавшие ведущими в звене Жупишкина, уже давно сложили свои головы где-нибудь, между Сталинградом и Воронежем. А в те моменты, когда Жупишкин относительно легко (а он при всем своем пресловутом «невезении» умудрился не получить ни тяжелых ранений, ни серьезных травм) выбирался из разного рода переделок, масса таких же, как он, наших молодых и скороспелых пилотов одноместных Ил-2 гибла в первых трех-пяти вылетах под огнем немецких малокалиберных зениток или бивших в упор из задней полусферы «мессеров». Так что, до известной степени, Жупишкин был «тертый калач»...

– Н-да, паря, это несомненно рекорд, – сказал я, выслушав его рассказ. Специальность летчика сразу же повысила потенциальную ценность Жупишкина в моих глазах. А что до «невезения» – помнится, в старой американской комедии «Горячие головы» был некий седой адмирал с подобной биографией – летчик-герой всех прошедших войн, которого стабильно сбивали в каждом вылете...

– Далеко же ты забежал, – продолжил я. – Но только явно не туда, до фронта еще ой как далеко. И вообще тут тисовская Словакия, союзное Гитлеру государство. Конечно, теоретически, какие-то антифашистские партизаны водятся и здесь, но не в таких количествах, как в Белоруссии или Польше...

– И что мне делать? – спросил Жупишкин, чье лицо приобрело слегка плаксивое выражение.

– Слушай сюда. Мне с тобой нянькаться некогда! У меня, как ты сам понимаешь, задание, которое категорически не совпадает с твоими нынешними устремлениями! Поэтому давай выбирай. Либо расходимся, и каждый идет дальше своей дорогой. Ты меня не видел, я тебя не знаю. Либо можешь остаться со мной. Но тогда ты должен во всем мне подчиняться и открывать рот только по моей команде, тем более что, как я понял, иностранных языков ты не знаешь. И еще – учти, что я направляюсь вовсе не к линии фронта, а в другую сторону, напрямик в Германию. Такое вот у меня важное задание. Если мы его выполним – помогу чем смогу. Как минимум, попробую свести тебя с местным подпольем, а уж они могут или спрятать тебя, или, скажем, отправить к партизанам. Так как?

– Как будто у меня какой-то выбор есть, – засопел Жупишкин. Было понятно, что он согласен, и я опустил пистолет – уже рука затекла стоять с этой железкой на изготовку.

– Это точно. Выбора нет. Тогда пойдешь со мной. Без свидетелей можешь называть меня «товарищ Андрей», на людях обращай ко мне «пан» или «герр», но вообще старайся помалкивать. Ты машину водишь?

– Вожу. А куда мы идем?

– Километрах в десяти от нас городок Брезно. На окраине должно быть нечто вроде гостиницы под названием «Biela Hora», где ждет наш человек. К нему я, собственно, и направляюсь. Это все, о чем я имею право тебе рассказать.

Сказав это, я понимал, что сильно рискую, а, возможно, вообще делаю непростительную ошибку. Вдруг Жупишкин замаскированный гитлеровский агент или мы с ним каким-то образом попадемся в когтистые лапы полиции или гестапо и он расколется? Хотя в первое верилось слабо (слишком гениальная задумка – заранее прятать соглядатая с такой странной легендой в лесу, если он там, конечно, с некой целью не наблюдал за кем-то из киношников), а вот что касается второго – не особо-то я на этот счет беспокоился. Меня же достаточно банально пристрелить, чтобы я разом исчез из этого времени и провалился обратно, «в исходную точку отправления». Конечно, в этом случае не будет выполнено задание, но, в конце концов, это уже будет не моей проблемой. Однако не будем о грустном.

– А киношники? – уточнил Жупишкин.

– Забудь ты уже про этих хреновых Марик Рёкк и Лени Рифеншталь! – сказав это, я понял, что зря это сказал. При упоминании этих фамилий на физиономии моего нечаянного спутника появилось недоумение пополам с непониманием. Что делать, не знали в довоенном СССР звезд гитлеровского экрана. Это уже потом насмотрелись всякого трофейного...

– Нам лучше вообще обойти их стороной, – продолжил я. – И, если мы нормально доберемся до места, тебе там дадут пожрать. По крайней мере, я очень на это надеюсь...

– Смотрите, товарищ Андрей, обещали...

В общем, больше Жупишкин со мной не спорил. Он попытался подобрать свою железку, но я ему запретил. На фиг надо таскать эту тяжесть? Так что он просто пошел за мной, стараясь не шуметь. Бивак немецкой киногруппы мы обошли стороной, благо лес (местами он, конечно, редел) тянулся по обеим сторонам дороги вплоть до Брезно. Киношники не замечали никого вокруг себя – в их расположении шла нервная суета, почти неизбежно сопровождающая любой творческий процесс. Бегали полуодетые актеры и статисты обоего пола во фрагментах средневековых костюмов. Кто-то на кого-то орал. Кто-то ел, кто-то гримировался, кто-то колупался в моторе машины, на растянутой между двух вагончиков веревке сохли чьи-то трусы (кстати говоря, две пары было с логотипом «Гитлерюгенда») и подштанники – выяснить подробности времени не было, да и бинокля я, увы, не прихватил.

Чувствовалось что Жупишкин сильно утомлен. Шел он как-то тяжело. Потом спросил – нет ли у меня закурить? Вот тут и пригодился халявный «Кэмел». Перекурив, Жупишкин стал несколько бодрее, темп нашей ходьбы увеличился, и скоро в пределах нашей видимости обозначилось это самое Брезно. Зеленый провинциальный городок, с одно-двухэтажными зданиями под черепичными крышами, растянувшийся у не особо широкой реки (надо полагать это была река Грон, на некоторых старых картах сей населенный пункт обозначался как Брезно-над-Гроном). В центре городка смутно просматривалась четырехэтажная, чем-то похожая на термос светлая башня с напоминающей стручок кровлей. Я помнил (все-таки перед переброской успел посмотреть кое-какие справочники), что это чуть ли не главная местная достопримечательность – костел Святой Марии.

Однако сам город меня сейчас (да и в принципе тоже) не интересовал, и мы с Жупишкиным, соблюдая максимальную осторожность, направились к скоплению домишек в редком лесу у его южной окраины. Приблизившись к ним, я осмотрелся – по-моему, это было что-то типа загородной гостиницы (допустим, зимой тут можно было кататься на лыжах, но что в те годы делали хозяева подобных заведений летом – лично для меня загадка, ведь туристов по Чехии и Словакии тогда болталось куда меньше, чем семьдесят лет спустя) – три двухэтажных дома в здешнем сельском стиле (низ каменный, беленый, верх дощатый из темного дерева, островерхие крыши крыты черепицей), позади которых просматривались пара одноэтажных домишек поменьше и какие-то явно хозяйственные постройки. Вообще тут было очень красиво – вокруг лес, на горизонте очень живописные горы. Но людей нигде видно не было. К самому большому дому с вывеской «Biela Hora» вела грунтовая дорога. Рядом с домом стояла небольшая кремово-вишневая легковушка, то ли «Татра», то ли «Шкода». Примерно в полукилометре от домов, на лесной опушке паслись две пятнистые, коричнево-белые коровы, словно сошедшие то ли с какой-то рекламной картинке из моего времени про сметану или молочный шоколад, то ли с заставки сериала про детство Шелдона.

Меня проинструктировали, что соваться надо не в тот дом, где вывеска, а в другой, правее него. Пятиминутное ожидание с сопутствующим осмотром местности подтвердило полное отсутствие народу вокруг. По моей команде мы вышли из кустов и потопали, никуда не сворачивая. Жупишкин предпочел затаиться за углом, укрывшись за какой-то каменной стенкой. Я попросил его не пугаться, если позову его по-немецки, после чего решительно подошел к двери первого этажа и постучал.

За дверью послышались шаги, потом она открылась, и на пороге возник пожилой мужик самого респектабельного вида, с аккуратной седой бородой и густыми бровями, в темных брюках в полоску, вязаной жилетке и белой рубашке с закатанными рукавами и застегнутым воротом. Была бы его борода сильно длинной – получился бы вылитый Крконош, персонаж чешских сказок, внешне чем-то похожий на известного любому малолетке из моего времени Гендальфа. А так он скорее напомнил мне лесника, а не хозяина отеля.

– Guten Tag! – приветствовал я бородатого мужика и спросил: – Kann ich herr Josef Mraz sehen?

Обожаю я эти чешские и словацкие фамилии – Тухлов, Хад, Мраз и прочее, хотя «мраз» у них это вроде бы «мороз», а отнюдь не «мразь»...

– Ja, bitte! – ответил бородач и пригласил входить.

Стало быть, он и был нужным мне Йозефом Мразом. Используемым втемную моими работодателями «борцом сопротивления». Интересно только, за что мог бороться вот такой вот сытый и респектабельный словацкий пригородный хуторянин? Ведь таким, как он, уж точно все едино, кто нынче у руля – Бенеш, Гитлер, Тисо. Или ему все-таки не все равно? Ждет, надеется и способствует тому, чтобы англо-американцы пришли в эти края первыми? Только странно как-то способствует – не стреляет в солдат вермахта и электрички под откос не пускает, а всего лишь предоставляет мелкие и не вполне законные услуги известного рода разным мутным типам вроде меня. Так это зря, его копеечная беспринципность все равно вознаграждена не будет – русские танки по-любому приедут сюда раньше, а через три года, в 1948-м, коммунисты Клементы Готвальды национализируют все эти господа, трактиры и горные шале и объявят всех здешних мелких кабатчиков и лавочников мироедами. Еще через двадцать лет, в 1968-м, сюда опять пожалуют советские танки, и, думается мне, что до следующего периода «ренессанса демократии и рыночной экономики» пан Мраз все равно не доживет. Если ему в 1944-м сравнялось сильно за пятьдесят, то сколько должно быть в 1990-м? Сто лет?

– Hallo vom Grosvater! – сообщил я ему первую часть пароля и немедленно продолжил: – Wo man mobil kaufen kann?

Начало данной условной фразы было предельно абсурдным, поскольку передать пожилому человеку привет от дедушки, по моему здравому разумению, мог разве что гонец с того света. Ну а придуманная моими работодателями вторая часть пароля, насчет «где купить мебель», была скорее данью древней традиции – еще герой Кадочникова в «Подвиге разведчика» интересовался насчет никелированных кроватей и прочих славянских шкафов, а также занимался кидаловом, пытался превратить щетину в золото.

– Es ist jetzt regherish in Berlin! – сообщил мне бородатый хозяин о том, что сейчас в Берлине дождливо, и заулыбался. Вообще, со стороны это должно было все больше напоминать разговор двух сумасшедших, но тем не менее и пароль и отзыв нами были названы верные.

– Herr Yildirim? – уточнил пан Мраз и сразу же спросил, говорю ли я по-немецки. Я ответил, что говорю, но не слишком хорошо. В общем, далее мы с ним беседовали на наречии Манна и Дюрера. Ну то есть как беседовали – он как-то понимал мой «пиджиндойч», а я его немецкую (как я понял, с каким-то чудовищным акцентом) речь. Подозреваю, что как человек, родившийся в Австро-Венгрии, герр Мраз должен был неплохо балакать на немецком, но на таком, который какой-нибудь коренной и чистокровный баварец уже и не особо-то поймет – про эти тонкие моменты еще у Ярослава Гашека написано.

Потом я позвал Жупишкина. При виде его потрепанной персоны пан Мраз, естественно, очень удивился, заявив, что вообще-то сегодня ждал одного гостя, а никак не двух. Также он поинтересовался – кто это, собственно? Я сказал, что так получилось, это мой водитель и ему (Мразу то есть) это непременно зачтется. Он согласно покивал. Далее я попросил хозяина накормить Жупишкина, хоть немного привести его в порядок и срочно сделать ему какие-нибудь документы. Такие, чтобы его не повязал первый же встречный патруль, но и без особых затей. Я сразу же предупредил, что Жупишкин русский и выдавать его за словака, чеха, поляка или немца совершенно бессмысленно. Хозяин явки этой информации, судя по его физиономии, явно не обрадовался, ненадолго задумался о чем-то, а потом глубокомысленно выдал, что можно попробовать это устроить, но сие потребует от нас задержаться у него в гостях до завтрашнего утра, а он не знает, как у меня обстоит со временем. Я ответил, что пока время терпит. Тут я несколько не врал – на все про все Блондинка отвела мне месяц. Максимум – два, до конца сентября. Так что суетиться смысла не было. Хозяин согласно кивнул. Потом велел ждать и вышел.

Вернувшись через несколько минут, герр Мраз отвел нас в один из одноэтажных домишек во дворе, позади гостиницы. Как я понял, обычно здесь, видимо, проживала гостиничная обслуга или сезонные работники (для поселившихся за деньги постояльцев там была слишком скромная, спартанская обстановочка), которых в данный момент, судя по единственной заправленной постели (похоже, здесь действительно ждали одного человека – меня), трем голым деревянным кроватям и пустым шкафам (правда, один шкаф были заперт и вполне мог быть и не пустым) в пределах видимости не наблюдалось.

Далее хозяин велел мне раздеться до трусов и выдал вместо моих шмоток свободную нательную рубашку и домашние брюки с ширинкой на крючках (все стираное и отглаженое). Документы, пистолет и прочее содержимое карманов я убрал в запирающийся на ключ ящик стоявшего в углу комнаты письменного стола старинной работы. Мою одежду дорогой герр Мраз унес с собой.

Потом наш хозяин в несколько приемов (я уже заметил, что он либо категорически не хотел раскрывать наше присутствие, либо в гостинице действительно не было никого, кроме него) притащил две глубокие тарелки со столовыми приборами, десяток ломтей свежего белого хлеба, нарезанную тонкими ломтиками кровяную колбасу и фарфоровую супницу с прилегающим аккуратным половником, после чего удалился, сказав, что мы можем перекусить «чем бог послал». Что сказать – бог у них здесь, в Словакии, был парнем довольно щедрым. В супнице оказалась в меру горячая мясная похлебка с чесноком – местный вариант густого супчика-пюре. Мне не сильно хотелось есть (съеденное в начале следующего столетия еще до конца не переварилось), и я, чисто для пробы, съел одну тарелку, отметив для себя, что жрачка здесь очень вкусная.

Зато Жупишкин оттянулся, похоже, за все предыдущие голодные дни. Он, не чинясь, умял всю супницу (вплоть до долгого вытирания ее внутренней поверхности корочкой хлеба) и все, что к ней прилагалось. Едва мы покончили с нехитрой трапезой, как снова появился наш хозяин, принесший две кружки какао с молоком. Какао было не слишком хорошее (явно какой-нибудь немецкий эрзац военного времени), а вот молочко явно свежее – прямо из-под коровки. Уж забыл, когда такое употреблял – в нашем времени такое далеко не во всякой деревне встретишь.

Пока мы пили какао, пан Мраз, без лишней суеты, убирал посуду. Потом он сказал, что сейчас займется решением вопроса с моим коллегой, а я могу

отдыхать. Надо сказать, что я уже почувствовал некую сонную усталость – все-таки моя переброска происходила ночью, а все эти мотания по лесам заняли часов пять, не меньше, и бессонная ночь начала сказываться.

В общем, хозяин на ломаном русском языке (как оказалось он знал его в пределах курса «допрос военнопленного», «разговор барина с батраком» или что-нибудь вроде того) пригласил Жупишкина идти за ним. На вопросительный взгляд Жупишкина я только кивнул, молча, но утвердительно. Далее они удалились, при этом пан Мраз дальновидно запер дверь домика снаружи. На всякий случай я засунул «люгер» под подушку, после чего прилег на постель и словно провалился – только, кажется, услышал сквозь сон, как заводится, а затем удаляется мотор легкой машины. Наверное, той, что стояла перед «главным зданием».

Когда я проснулся от звука отпираемой ключом двери, за окнами домика было уже темно. Вошли герр Мраз и Жупишкин со свернутым матрасом под мышкой. Он уже был переодет в ношенные, но опрятные полосатую рубашку и брюки с подтяжками, умыт и чисто выбрит. Далее, хозяин задернул занавески на окнах домика и принес Жупишкину подушку и одеяло, после чего сказал мне, что все будет готово утром, а до того мы можем спокойно спать. Он нас разбудит. Далее пан Мраз объяснил, где здесь туалет (в домике был задний, закрывающийся изнутри на засов выход, и излишне просторная и чистая по нашим меркам сортирная будка располагалась прямо возле него – открыл дверь, вышел, сделал дело, вернулся и заперся), показал, где находятся умывальник, мыло и полотенца, и ушел, снова заперев нашу главную дверь снаружи.

– И что там с тобой делали? – спросил я Жупишкина, пока он торопливо стелил постель.

Жупишкин ответил, что хозяин возил его в Брезно, предварительно переодев и заставив умыться и побриться. При этом моему нежданному коллеге пришлось по дороге и туда и обратно сидеть, прячась от случайных взглядов, на полу перед задним сиденьем автомобиля. Дальше, по словам Жупишкина, они заехали в некий задний двор одного дома на окраине, откуда попали в какую-то фотолабораторию или фотоателье. Там, в какой-то комнате, его сфотографировали на белом фоне (наверное, на документы), на чем их с паном Мразом похождения, собственно говоря, и закончились. Не попались кому не надо – и ладно.

Разговаривать нам больше было особо не о чем, и мы с Жупишкиным завалились спать до утра.

Подозреваю, что во время этого сна нас можно было брать буквально голыми руками. Лично я проснулся только раним утром, когда услышал уже становившийся знакомым звук открываемой пришедшим хозяином двери. А мой нечаянный напарник в этот момент продолжал спокойно похрапывать. Пришлось хлопнуть его по тощей заднице, с целью пробуждения.

Войдя, пан Мраз первым делом пожелал мне доброго утра. С собой он принес кое-какие элементы одежды для Жупишкина (в частности, потертую замшевую куртку, коричневые высокие ботинки со шнуровкой, явно армейского, но, похоже, вовсе не немецкого, образца, носки и черную кепку с пуговкой на макушке) и выдавший виды портфель из кожзаменителя.

Я умылся, а потом наш хозяин выложил на стол передо мной два обещанных документа. Первой была стандартная бледно-зеленая, слегка потертая книжица из плотной бумаги, на титульном листе которой было отпечатано «Bezirk Kovel», ниже располагались имперский орел с венком и свастикой в когтях, надпись «Personausweis» и вписанный от руки черными чернилами номер аусвайса из нескольких букв и цифр. На развороте было фото Жупишкина с проставленным в верхней части снимка еще одним буквенно-цифровым номером. Аусвайс дополняли две синие печати с имперскими орлами. Правда, ровно все, что можно было узнать из данного документа – Жупишкин, разом превратившийся в некоего украинца Василя, а может, и Базиля Трясило (во всяком случае, в аусвайсе было написано – Basil Triasilo), был зарегистрирован бюрократами Дриттенрайха в качестве послушного оккупационным властям лица, в городе Ковеле, уроженцем которого он, согласно этой ксиве, являлся и где ему в октябре 1943 года и был якобы выдан означенный аусвайс. Вторым документом была сложенная вчетверо бумаженция, украшенная еще одной фотографией Жупишкина и двумя печатями, похожими на аналогичные налелухи из аусвайса. Согласно машинописному тексту этой филькиной грамоты Василь Трясило значился водителем из автотранспортного подразделения 926 A-bis, XI управления имперской строительной организации Тодта, которое осуществляло транспортные перевозки на территории протектората Богемия и Моравия, а также соседней Словакии. Согласно этому же документу Трясило-Жупишкин три дня назад был откомандирован из своего подразделения «для обслуживания иностранцев» – выходило, что по требованию некоего варяжского гостя (то есть, надо полагать, меня) его сдали в аренду, похоже, вместе с автомобилем.

Естественно, я спросил нашего дорогого хозяина – насколько вообще достоверны эти бумажки? Пан Мраз не стал врать (за что ему отдельное спасибо) и сразу же предупредил меня, что для предъявления полицейским или полевой жандармерии на каком-нибудь контрольно-пропускном пункте данные документы вполне «сойдут», но вот мало-мальски серьезной проверки эти бумажки могут и не выдержать. Конечно, что-то там выяснить насчет Ковеля, откуда Жупишкин якобы был родом, стало нереально – туда уже пришла Красная армия. И при поверхностной проверке полицейские легко поймут, что названное в «сопроводилровке» управление организации Тодта действительно существует и работает именно там, где указано в бумагах. Но вот копнув чуть глубже (что легко могли проделать, например, в гестапо) и потратив некоторое время и силы, гитлеровские ищейки, даже особо не напрягаясь, установят, что никакого Трясило в указанном подразделении организации Тодта нет и никогда не было. Однако, по словам герра Мраза, в настоящий момент, когда вермахт отступал по всем фронтам, в документах, связанных с разного рода восточными рабочими и прочими перемещенными лицами, царила дикая неразбериха, и это, пожалуй, было единственным плюсом для Жупишкина. Хотя лучше было иметь такие вот сомнительные документы, чем совсем никаких.

В предназначенном для Жупишкина потертом портфеле лежали дешевые бритвенные принадлежности, смена белья, две зеленые пачки явно не слишком дорогих и качественных сигарет немецкого производства с буквами «Eckstein № 5 Cigaretten. Dresden» (стало быть, юде у них нютцигер, а сигареты под маркой какого-то Экштейна они все-таки продолжали производить – парадокс, однако) и кое-какой инструмент. Типа, шоферский аксессуар.

Ну а мне хозяин просто открыл тот самый запертый шкаф. Там висели отглаженный костюм темно-синего цвета, белая сорочка, бордовый галстук в темную полоску и модная шляпа. На дне шкафа стоял перетянутый ремнями чемодан коричневой кожи и хорошо начищенные черные полуботинки самого пижонского вида.

Я раскрыл чемодан. Естественно, я не ожидал, что данный угол будет набит под завязку предназначенными для подкупа продажных супостатов долларами или фунтами «на текущие нужды», и не ошибся. Там была пара брюк, несколько сорочек и галстуков, белье, носки, безопасная бритва со всеми полагающимися причиндалами и умывальные принадлежности. Также в чемодан, явно для пущей достоверности, положили несколько печатных изданий. В частности, там лежала швейцарская газета «Neue Zürcher Zeitung» от 3 июля 1944 г., турецкая

«Gumhuriet» от 9 июня и три немецких журнала. В частности, июньский номер ультрафашистского, пропагандистского «Der Sturmer», майский номер «Filmwelt» с капитально отретушированным портретом неизвестной мне актрисульки кукольного вида на обложке и июльский номер «Signal», на обложке которого какая-то баба в коричневой кофте что-то с умным видом записывала в блокнот, в декорациях цеха явно военного завода. На пользу или нет были все эти газеты или журналы – сказать было сложно. По идее, для человека, который в это сложное время болтается с юга на север Восточной Европы данный набор выглядел достаточно убедительно.

Далее хозяин выложил передо мной наручные часы на черном кожаном ремешке и сказал, что мы можем одеваться, а он зайдет через полчаса. Первым делом я побрился – щетина со вчерашнего дня отросла прилично, заодно и дареную бритву опробовал. Облачаясь в приготовленные хозяином шмотки, я обратил внимание на то, что все обновки мне впору (похоже работодатели заранее сообщили герру Мразу мои размеры), «костюмчик сидел», а одежда и обувь были отнюдь не из дешевых, либо парижской, либо итальянской выделки – ну, так, наверное и полагалось уважаемому восточному торговому агенту. Золотистые круглые часы вполне простецкого облика, с белым циферблатом и дополнительной секундной стрелкой (для нее по моде тех лет в часах имелся второй, более мелкий циферблат), принесенные мне хозяином, оказались не из дешевых, поскольку были украшены логотипом Patek Philippe Geneve. Стало быть, «котлы» были лучшие в мире, швейцарские, что уже становилось хорошей традицией при моих хождениях в прошлое. Единственное, чего не предусмотрел хозяин, – подмышечной кобуры для пистолета. Впрочем, он не мог знать, что я приду к нему вооруженным.

Я рассовал по карманам документы и все остальное, нацепил темно-серую шляпу и посмотрел на себя в висевшее на стене овальное зеркало. Выглядел я то ли второстепенным персонажем из фильма «Касабланка», то ли одним из тех, кого ловил и отстреливал комиссар Миклован в несколько менее древнем румынском псевдоисторическом боевике про чистые руки. Что ж, за иностранца я вполне сошел бы, но вот чтоб конкретно за турка... Надо было обладать хорошим чувством юмора, чтобы принять меня за потомка янычар. Хотя, я же, по легенде, вроде бы человек с запутанной биографией и реально вовсе не турок, а полувенгр-полуболгарин...

– Хорош, – завистливо сказал из-за моей спины Жупишкин, которому было явно нечем заняться. – Ну, прям пижон с курорта...

- Ты что, до войны бывал на курорте? – осторожно уточнил я на всякий случай.
- Чтоб прям на курорте – нет, врать не буду. А вот в «Артеке» был, посылали в тридцать пятом, как отличника, – ответил он. – Уж там-то я на курортников посмотрелся...
- Слушай, отличник, – сказал я ему. – Пока не забыл. Имей в виду, что меня здесь зовут Йыгыт Йылдырым...
- Как?!? – искренне изумился Жупишкин. – Это вообще по-каковски?
- Это, мля, по-турецки, потому что, по легенде, мой отчим был турецкий подданный и у меня в кармане лапсердака турецкий паспорт. А ты у нас теперь, получается, украинский изменник и пособник оккупантов, шоферюга из организации Тодта, которого откомандировали в мое распоряжение. Правда, никакой машины у нас пока нет, но я очень надеюсь, что наш радушный хозяин решит эту проблему...
- И что?
- А то, что на людях я буду разговаривать с тобой на ломаном русском. А ты будь ласков – как можно убедительнее изображай полового из дореволюционного трактира. Поедай меня глазами, исполняй все приказы, со всем соглашайся. Да и с немцами веди себя аналогично – улыбайся, кланяйся в пояс, снимай картуз и прочее. Понял? А то спалимся на хрен!
- Понял, товарищ Андрей!
- Молодец. Только не вздумай меня так на людях назвать – «товарищ Андрей» или «товарищ старший лейтенант». Зови исключительно «Пан Йыгыт» или «Герр Йыгыт».
- Пан Йыгыт, – повторил Жупишкин задумчиво. – Вот же блин, ну и имена у них, язык сломаешь. Интересно, кто это вообще придумал...
- Да если бы я знал, кто придумал для меня столь странную легенду, – точно придушил бы на месте. Кстати, почему я вдруг назвался Жупишкину еще и

«старшим лейтенантом» – сам не понял, просто с языка сорвалось. Ну и ладно...

В это время в домик снова вошел пан Мраз.

– Готовы? – спросил он у меня на своем далеко не безупречном немецком.

– Да, – ответил я и, чисто механически, посмотрел на часы. Было 8.30 утра.

Мраз отвел нас в тот дом, где мы с ним вчера играли в пароли-отзывы, и за кратким завтраком, состоявшим из не слишком крепкого чая и хлеба с маслицем, сказал, что сейчас приедет его доверенный человек, который и отвезет нас в Банска-Бистрицу. Там мы получим оформленную на меня машину и дальнейшие инструкции (я очень надеялся, что они касались поиска интересующей меня женщины). Никаких паролей более, похоже, не требовалось, так как заинтересованные лица были предупреждены.

Здесь я понял, что наш дорогой Мраз, похоже, даже особо и не в курсе, зачем я здесь. А еще до меня наконец дошло, что здешняя агентура моих работодателей скорее всего сугубо неподвижная, даже не то, что принято именовать термином «резидентура», а какие-нибудь «почтовые ящики-якоря», поскольку чувствовалось, что за пределы своих любимых городов их агенты не больно-то суются. С точки зрения накормить-укрыть-спрятать кого-то или там что-то передать-принести, это, конечно удобно, а вот для всего остального – как-то не очень. Чувствовалось, что присутствие здесь моих работодателей носит какой-то необязательный и довольно формальный характер. Хотя, если агента использовать слишком активно, повышается риск провала, и, к тому же, никакой агент обычно не хочет работать втемную и начинает задавать лишние и неудобные вопросы – а кому это надо? Наверное, у Блондинки и ее коллег все было более-менее продумано. Тем более что мало знающий, хотящий и умеющий «попка-дурак» порой куда полезнее, чем играющие в какие-то свои, «параллельные» игры бандюки, вроде тех, с которыми я имел дело в прошлый раз.

Потом мы вышли во двор гостиницы. Солнце медленно поднималось из легкой дымки над отрогами Рудных гор, и в утреннем небе ясно обозначилась характерная примета войны – далеко в вышине тянулся с юга на север белесый пунктир инверсионного следа. Явно какой-то очередной, стартовавший в Италии союзный разведчик спешил в сторону Польши или Германии. Может быть,

сфотографировать результаты ночного налета, а может, собрать данные для налетов, которые еще только готовились. Их еще будет немерено.

Не прошло и двадцати минут, как мы услышали шум мотора, и к «Biela Hora» подъехала чем-то похожая на отечественную «эмку» (только кузов – двухдверный «ростер» с поднятым брезентовым верхом), окрашенная в два оттенка синего небольшая машинка «Татра-75». За рулем сидел некий, преисполненный значимости своей миссии долговязый носатый юноша. По моему, его зачесанные назад темные волосы были густо набриолинены, отчего он слегка напоминал пародийного советского стилиста конца 1950-х.

Герр Мраз проинформировал меня, что приехавшего юношу зовут Матысек и он отвезет нас в Банска-Бистрицу. После этого он помог мне убрать чемодан в багажник и пожелал мне счастливого пути. При этом в глазах повеселевшего пана Мраза читалось явное облегчение. Мы с Жупишкиным пролезли на заднее сиденье, и наконец «Татра» тронулась.

По прямой от Брезно до Банска-Бистрицы километров тридцать пять – сорок, так что наш путь по петлявшему в долине, среди поросших лесом гор, шоссе не мог быть особо долгим. Наш юный водитель оказался на редкость неразговорчивым малым и молчал всю дорогу словно набрав в рот воды, недовольно косясь на меня. Он явно не одобрял, что я все время вертел головой и таращился в зеркала заднего вида, разглядывая, нет ли за нами «хвоста».

К счастью, даже намеков на слежку не было. Не попалось на нашем маршруте и полицейских либо армейских постов. Да и транспорта на дороге было откровенно мало. Советские войска уже были в Румынии, и этим летом у Третьего рейха начинался затяжной и фатальный топливный голод. К тому же, на мой взгляд, для поездок было еще рановато. Не думаю, что местные пейзаны имели вредную привычку вставать до зари. За все время нам попалось лишь два небольших и явно гражданских грузовичка-полупорки да несколько крестьянских телег. В какой-то момент в небе послышался стрекочущий шум мотора, и довольно низко над тянувшимся по сторонам дороги лесом, справа от нас, пролетел в сторону Банской-Бистрицы остроносый темно-зеленый биплан с бело-сине-красными крестами на нижних плоскостях. Все правильно, у «сверхмощных» словацких ВВС именно в этом районе было несколько аэродромов, на которых базировались в основном доставшиеся им от Чехословакии довоенные бипланы, вроде пролетевшего над нами Авиа В-534 (или это был Вк-534?) либо Летовов S-329, плюс микроскопическое количество

более современных самолетов, вроде Vf-109 или Fw-189. Осенью, когда начнется Словацкое национальное восстание, эти ВВС перейдут на сторону антигитлеровской коалиции, что, впрочем, не уберезет от разгрома ни «словацкую повстанческую авиацию», ни само здешнее восстание.

Открывшаяся впереди Банска-Бистрица была уютным, преимущественно двухэтажным городком заметно больше Брезно. За крышами домов маячили шпили костелов и крыши каких-то то ли дворцов, то ли административных зданий. Но в сам город наш Матысек углубляться вовсе не собирался. На окраине Банской-Бистрицы мы, через основательные ворота, над которыми висела дугообразная желтая жестяная вывеска с хорошо прорисованными черно-красными буквами на двух языках «Opravy Automobilov» и «Autoreparatur» (что сказать – правильная у них тут коммерческая политика, в расчете как на аборигенов, так и на заезжих арийцев из-за межи), въехали во двор аккуратного двухэтажного дома с красной черепичной крышей и ставнями на окнах, где помимо нескольких лепившихся друг к другу сараев размещался еще и каменный гараж на четыре бокса, возле которого лежало несколько старых покрышек и стоял большой, черно-красный мотоцикл, кажется, глубоко довоенный «Индиан». Навстречу нашей «Татре» из дома вышел короткостриженный мужик лет сорока в заляпанной масляными пятнами (и все-таки слишком чистой по российским понятиям) серо-синей спецовке, живо напомнивший мне своими широкими плечами и настороженной курносой физиономией профессионального борца или боксера. Первым делом мужик закрыл за нами ворота. Мы с Жупишкиным вылезли из машины и медленно пошли ему навстречу. При этом Жупишкин деликатно отстал.

– Вы от пана Мраза? – спросил мужик у меня по-немецки. Видимо о моих лингвистических предпочтениях его уже успели предупредить.

– Да, – ответил я на том же языке.

– Прошу вас, проходите, – пригласил нас мужик в крайний слева гаражный бокс, где стоял наполовину прикрытый брезентом серо-зеленый «Опель-Кадет» в четырехдверном исполнении, больше известный в послевоенном СССР как «Москвич-401».

– Я Карел Млынарж, – представился мужик, после чего выложил на заваленный инструментами, проводами и какими-то непонятными железками стол передо мной ключи от машины, пару казенного вида бумажек с печатями и

предназначенную явно для автолюбителей карту с немецкими названиями. На карте были нанесены дороги и населенные пункты бывшей Чехословакии и Германии.

– Это ваш автомобиль, – кивнул пан Млынарж на «Опель-Кадет» и добавил: – Бак полный, в багажнике запасная канистра. А вот вам ключи от машины и оформленные на вас документы о ее покупке, плюс действующее разрешение на въезд в Германию.

Потом он перевел дух и продолжил:

– А нужный вам человек, как мне сообщили, сейчас находится в частной клинике доктора Мартикана. Если ехать по шоссе, это километров двенадцать на северо-запад отсюда, между Млчаново и деревней Блехово-над-Гроном. Собственно говоря, это все, что мне велели вам передать...

Тем самым он дал понять, что разговор окончен, после чего принялся снимать брезент с «Опеля». Ну а пока мы с ним мило беседовали подобным образом, юный Матысек развернул свою «Татру» и успел перенести мой чемодан и портфель Жупишкина в багажник «Опеля». Чувствовалось, что этот самый Млынарж, так же, как и прошлый повстречавшийся мне агент, не больно-то информирован о моих текущих делах, раз даже не знает пол «нужного человека». Ну и ладно, решил я, может, это и к лучшему. Хотя, были тут и явные минусы – Млынарж знал, куда я направился, и мог рассказать об этом кому не надо. Но проконтролировать его в том смысле я не мог, не было у меня таких возможностей. Оставалось все так же уповать на собственное везение и профессионализм моих работодателей.

Между тем возникший из-за моей спины Жупишкин подцепил со стола ключи и, кряхтя, полез за руль «Опеля». Делал он это как-то неумело, и, честно говоря, у меня не было уверенности в том, что он вообще сможет завести машину. Между тем шустрый Матысек уже запрыгнул в свою легковушку и включил мотор. Я забрал документы и карту и взгромоздился на переднее сиденье, рядом с тупо разглядывающим приборную панель Жупишкиным.

– Удачи, – пожелал мне Млынарж и пошел открывать ворота.

Первой из двора автомастерской рванула «Татра», а мы выехали чуть позднее. Вопреки всем опасениям, мой лжеводитель без особых проблем завел автомобиль, а затем довольно лихо вывел «Опель» из гаража на улицу.

– Ну и куда ехать, пан Йыгыт Йылдыримович? – спросил Жупишкин (он явно пытался быть ироничным), когда мы выбрались на городскую мостовую и ворота за нами закрылись, и добавил, словно оправдываясь: – Мне-то все больше доводилось на полуторке ездить. Отвык с непривычки. Но это, кажется хорошая машинка, у нас таких не было...

– Направо, – сказал я, сверяясь с разложенной на коленях картой. Млчаново и Блехово-над-Гроном я нашел на ней без труда.

Дорога была неширокая, но ровная, и слезки за нами я по-прежнему не заметил. Хотя было бы странно предполагать, что здешняя полиция или спецслужбы будут вести меня прямо с самого момента переброски. Однако расслабляться не стоило, тем более что далее мой путь лежал напрямик в Германию. А уж там-то гестапо за меня точно возьмется.

Перед Блеховом дорога раздваивалась, и, судя по карте, нам следовало ехать влево, там дорога кончалась неким «тупиком» из нескольких строений, которые не были никак подписаны. Значит, точно какая-то частная лавочка.

Через пару километров мы наконец увидели искомое лечебное учреждение. Это оказался белый двухэтажный особняк (похоже, дворянская усадьба из прошлого, XIX века), утопающий в зелени деревьев (в основном здесь росли буки и липы), обнесенный высоким каменным забором. Входные ворота были чугунные, решетчатые, с какими-то заковыристыми гербовыми вензелями и листьями на створках. Они были заперты, но располагавшаяся слева от ворот столь же старинная калитка была приоткрыта.

– Тормози, – приказал я, и Жупишкин послушно остановил «Опель» у забора, не доезжая метров сорока до ворот.

Интересно, что солидного вида рельефная вывеска «Klinika professorska dr. Martikan. Liecba chorob zaludka a recene», висевшая на воротах, не дублировалась на немецком. Вопрос – они реально патриоты (как вариант – лентяи) или заведение не того уровня, чтобы его осчастливили своим присутствием

белокурые бестии? Впрочем, даже не обремененный знанием иностранных языков Жупишкин без особого труда, догадался, что здесь лечат именно болезни желудка и печени.

Прежде чем выйти из машины на свежий воздух, я осмотрелся. С противоположной стороны от нас, метрах в пятидесяти от ворот стояла пустая, довольно древняя темно-коричневая машинка (по виду – что-то среднее между «Фордом-А» и «Фордом-Т»), а вот позади нее торчал темно-серый (как, наверное, сказали бы у нас, «цвет мокрый асфальт») «Опель-Олимпия» – драндулет практически такой же, как у нас, только с двухдверным кузовом. Тонированных стекол и прочих псевдотюнинговых штучек-дрючек тогда, разумеется, и в помине не было. Соответственно, мне было хорошо видно, что внутри «Олимпии» сидят, как минимум, двое. Интересно кого же они здесь пасут? Уж не меня ли, грешного? Хреново, если так...

– Жди меня, и я вернусь, – сказал я Жупишкину. – Только очень жди. И не вздумай ни с кем разговаривать...

– И долго ждать? – уточнил сразу же сильно напрягшийся Жупишкин.

– Ну, не знаю. Может, час, может, больше, мне же надо отсюда женщину забрать. А ей, как сам понимаешь, еще надо собраться. А как женщины обычно собираются, ты тоже должен знать, не маленький...

– Понял, – заметно оживился мой водитель.

– Только ты тут не больно-то резвись. Лучше смотри вон за теми, в сером «Опеле»...

– А что?

– Да мало ли. Не нравятся они мне почему-то. Вполне может оказаться какая-нибудь дефензива-сигуранца...

Последняя фраза прозвучала именно так лишь постольку, поскольку я не знал, как называлась контрразведка в тисовской Словакии.

– Если случится нечто экстраординарное, – закончил я. – К примеру, если эти перцы вдруг побегут за мной или попытаются арестовать тебя – погуди.

Проинструктировав своего коллегу подобным образом, я вылез из машины и вошел в калитку. Если что, принципиально поднимающий самооценку «люгер» был в правом боковом кармане моего пиджака, но пока что я решительно не представлял, в кого буду стрелять и, главное, зачем?

От ворот к дверям клиники вела выложенная камнем то ли аллея, то ли дорожка, а во дворе особняка было более чем уютно. Изнутри вдоль ограды и аллеи густо росли цветущие розовые (бутоны были самых разных оттенков) кусты, за которыми явно долго и любовно ухаживали (возможно, эти колючки были посажены здесь еще и из охранных соображений – перелезаешь через забор и попадаешь прямиком на розовый куст, никому не понравится), а перед самым домом торчало несколько вековых лип. Вдоль аллейки, прямо под липами стояло четыре скамейки еще более винтажного вида, чем ворота, – литые чугунных деталей было весьма замысловатым.

На одной скамейке сидел и читал газетку некий сильно пожилой и хорошо одетый тип в атласном халате и домашнего вида туфлях, напомнивший мне своими морщинами, прической, седыми усами и массивными очками в явно золотой оправе портреты то ли Бисмарка, то ли Гинденбурга из школьных учебников истории. Дальше, у крыльца, ближе к застекленным дубовым дверям особняка о чем-то беседовали две весьма ухоженного вида старухи в старомодных летних платьях до пола, одна из которых чем-то походила на Фаину Раневскую. Я обратил внимание на очень дорогие кольца и серьги этих бабулек.

Ну, все правильно, кому же еще во время всех передраг и катаклизмов мировой войны может вдруг приспичить лечить печень или желудок? Только богатеньким старичкам. Которые потом будут говорить не о том, что в это время лечили за деньги разные хвори, а о том, как они «терпели нужду и лишения от оккупантов» – сразу после окончания войны все эти чехи и словаки разом превратятся в записных патриотов и антифашистов.

Я решительно зашагал к дверям клиники. Читавший газету элитный дедуля лениво покосился на меня из-под стекол очков, но ничего не сказал, а бабульки даже и не взглянули в мою сторону. Слава богу, что мне удалось избежать лишних разговоров.

Однако я зря радовался – похоже, из особняка за воротами и калиткой следили, и весьма внимательно, даже несмотря на отсутствие явной охраны. И не успел я подойти к крыльцу особняка, как навстречу мне тут же вышла симпатичная девушка с короткой стрижкой, в приталенном белом халате (из выреза халата торчал заколотый дорогого вида брошкой воротничок кружевной блузки) ниже колен и белых закрытых туфлях на высоком каблуке. Я прямо-таки едва не зиганул при ее появлении – а что еще прикажете делать при появлении голубоглазой натуральной блондинки, словно сошедшей с геббельсовских агитплакатов?

– Hallo, Fraulein! – приветствовал я ее, приподняв шляпу и небрежно склонив голову.

– Guten tag, was wollen sie? – поинтересовалась медичка (или все-таки не медичка, а администраторша?), состроив дежурную улыбку в стиле стюардесс. Нет, насчет белокурой бестии я, кажется, все-таки подумал зря – ее немецкий язык был примерно таким же, как у Мраза с Млынаржем. Стало быть, точно местная, словачка. Еще один цветочек из «Венка Дуная»...

Я, донельзя вежливо, ответил, что мне угодно видеть графиню Кату Дешеффи, и поинтересовался – здесь ли она?

Услышав это, чикса в белом халате стала смотреть на меня уже не столь настороженно и пригласила пройти в особняк. Что сказать – холл клиники желудочных болезней был в стиле средней руки отеля – паркет, позолоченные люстры, на стенах зеркала, на потолке какая-то лепнина с орлами и львиными мордами. За стойкой с двумя телефонами скучал крепкий усатый мэн лет тридцати в белом халате. Кажется, именно он здесь и наблюдал за входом. Пространство перед стойкой заполняли несколько пустующих жестких кресел и банкетов, а в центре композиции стоял низкий круглый столик с газетами (как я успел рассмотреть – газеты были местные, с заголовками на словацком языке) и массивной хрустальной пепельницей без единого окурка. По углам, явно для оживления обстановки, торчали какие-то южные растения в кадках, среди которых я опознал только пальму. В глубь здания вела лестница из пяти ступенек, то ли мраморная, то ли заделанная под мрамор.

– Прошу вас, подождите меня здесь, – сказала девушка и, обворожительно улыбаясь, уточнила: – Как вас следует представить графине?

– Будьте любезны, передайте, что за ней приехали от дядюшки Адальберта.

– Хорошо, – ответила эта милая фрейлейн, поднялась по лестнице и пропала во внутренних помещениях клиники.

Я осмотрелся. В большом овальном зеркале невзначай узрел себя – на меня смотрел этакий недостоверный фрей с гондонной фабрики, со слишком серьезным выражением лица, в костюмчике «а-ля Бонни и Клайд» и надвинутой на глаза шляпе. Хорошо, что меня сейчас никто из моего времени не видит, а то точно засмеяли бы за одну эту шляпу. Блин, на дворе 1944 год, и с востока и с запада в мою сторону двигаются армии и целые фронты, каждый час гибнут десятки тысяч людей, а в это время я, наряженный непонятно кем, вынужден заниматься черт знает чем. Форс-мажор у них, видите ли...

Впрочем, ничего опасного и подозрительного вокруг меня по-прежнему не происходило. Человек за стойкой что-то писал и даже не смотрел в мою сторону. В приятно пахнущих коридорах клиники было чистенько и малоллюдно, как и положено в подобных местах. Лишь один раз по коридору мимо холла прошла молодая женщина в темном платье и белом фартуке классической горничной, тоже не обратившая на меня никакого внимания.

Девахи в белом халате не было минут десять. Потом я услышал стук каблуков по паркету, а затем появилась и она сама.

– Пойдемте со мной, – пригласила она.

Я поднялся по ступенькам и, пройдя вслед за ней через особняк (как оказалось, он имел П-образную при виде сверху форму), оказался во внутреннем дворе, где был сад, куда богаче, чем деревья и кусты перед входом. Там витали настраивающие на позитив ароматы цветущих циний, георгинов, астр и роз, а вдоль нескольких узких аллеек стояли легкие плетеные кресла, типа тех, на которых обычно сидят выехавшие на дачу старорежимные господа в отечественных фильмах (обычно это какие-нибудь экранизации пьес А. Чехова) о дореволюционной жизни. В креслах сидели несколько пожилых людей обоего пола (все они или что-то читали, или, как мне показалось, дремали), но большинство мест все равно оставалось пустыми. Некомплект болящих или все ушли на процедуры (душ Шарко-электрофорез) либо завтрак? Вслед за блондинкой в белом халате я прошел по правой аллейке. Потом мы повернули,

зайдя за роскошные кусты бузины.

Там в плетеном кресле сидела вполне симпатичная женщина в излишне свободном летнем платье (светло-салатная ткань с рисунком в виде белых цветов, длинный рукав, белый воротничок и манжеты) и белых остроносых туфлях на минимальном каблуке. Она читала толстую книгу в коричневом переплете. Мне стало любопытно – что именно она читала? Я присмотрелся и тихо офигел – на обложке тома было оттиснуто золотом: Margaret Mitchell «Gone with the Wind». Стало быть, «Унесенные ветром», да еще и на языке оригинала, что само по себе говорило о многом – только интересно, как здесь все-таки было принято реагировать на чтение вражеской литературы? Хотя на Западе история про хабалку Скарлетт и сердцеда Рэтта Батлера была одним из самых читаемых романов как раз в начале 1940-х, это у нас сия слезливая мелодрама из жизни сентиментальных, но недальновидных джорджийских хлопководов-рабовладельцев добралась только в конце 1980-х, причем в позднем СССР сначала показали одноименное кино с Вивьен Ли и Кларком Гейблом, а уж потом начали переводить на русский язык и литературную основу. Во всем остальном мире, помнится, было наоборот...

Увидев нас, женщина оторвалась от чтения, закрыла книгу и с явным интересом посмотрела в мою сторону.

– Спасибо, Хелена, идите, – сказала она сопровождавшей меня блондиночке на словацком, как мне показалось, языке.

Девулька поклонилась и молча удалилась. Судя по всему, в пределах слышимости от нас больше никого не было. Я обратил внимание на то, что эта самая Ката Дешеффи разместилась для чтения очень грамотно – саму ее практически не было видно за кустами бузины, а вот незаметно подойти к ней оказывалось практически невозможно, особенно если дамочка иногда поглядывала по сторонам. Между тем графиня положила книгу на кресло и с усилием встала, упираясь руками в подлокотники кресла, и здесь стало видно, что у нее действительно довольно большой живот, в основном удачно маскируемый покроем платья, но уже достигший размера, не позволявшего скрывать нынешнего состояния женщины – утаить такое обстоятельство обычно еще труднее, чем пресловутое шило в мешке.

– Посланец дядюшки Адальберта, Йыгыт Йылдырым, турецкий поданный, к вашим услугам, – представился я по-немецки, тем самым упреждая ее первый

вопрос. Согласно данной мне инструкции, при личной встрече мне надлежало просто представиться, без всяких там паролей-отзывов и прочей подобной лабуды. Кроме, разумеется, ключевой фразы насчет дядюшки Адальберта. При этом как выглядит сама графиня, мне толком не объясняли, упирая в основном на ее интересное положение.

Отрекомендовавшись подобным образом, я снял шляпу и вежливо склонил голову. Джентельмен, мля...

- Боже, если вы турок, то я негритянка с берегов Замбези, - сказала графиня Ката по-немецки (а вот у нее произношение было уже явно не местное, а близкое к коренному германскому), пристально и, как мне показалось, даже несколько брезгливо разглядывая меня, уперев при этом руки в свои плохо различимые бока.

- Интересно, кому это пришло в голову послать сюда именно вас? - ехидно добавила она в порядке констатации факта, вроде бы ни к кому особо не обращаясь: - Блондина, да еще с такой славянской харей - под видом турка?

Блин, да если бы я знал автора сценария всех этих шпионских игрищ...

- Понимаете, вашество, никого другого, более подходящего для вас, к сожалению, не было, вы уж извините великодушно. А вообще, я хоть и турецкий подданный, по национальности натуральный полуболгарин-полувенгр...

- Слабо верится. Тем более что по-немецки вы говорите через пень-колоду, хуже любого венгра или болгарина. Думаю, даже турки не используют столь отвратительный немецкий. Документы у вас есть?

- Вам виднее, - сказал я и протянул ей свой паспорт. Стало быть, с самого первого взгляда и первой фразы я ей не понравился, и она сразу же дала понять, что мне не доверяет. Ну-ну...

Графиня раскрыла документ с тем же безмерно брезгливым выражением на личике.

Пока она смотрела паспорт, я наконец ее немного разглядел. Небольшого роста, светлая шатенка, волосы до плеч, зачесаны назад и закреплены с помощью дорогого на вид гребня. Правильные черты лица что в фас, что в профиль, большие серые глаза, узкие губы. На вид явно за тридцать (хотя, честно говоря, ей могло быть и двадцать девять, и сорок с гаком), скорее красивая, чем нет, но вот лицо у мадам было какое-то настороженное, явно не привыкшее к частым улыбкам. Или, может, это было результатом пластической операции? Хотя, с другой стороны, она же все-таки не герцогиня Кембриджская Кэтрин Миддлтон, которая, будучи далеко не старой, уже имеет на своей физиономии полный набор нехилых мимических морщин – а все из-за необходимости (в обычном для королевских особ из нашего времени приказном порядке) казенно и, вместе с тем, широко улыбаться кому угодно и по любому поводу. И еще мне показалась, что внешний облик сей графини был каким-то уж слишком стандартным. Так обычно выглядят в моем времени фотомодели второго и третьего сорта. Не те, чьи портреты засоряют Мировую паутину и украшают обложки парижских таблоидов, а дамочки из числа тех, которые за не самую высокую плату рекламируют не слишком дорогие (обычно турецкие или китайские) шмотки, казенно улыбаясь со страниц каталогов весьма средних восточноевропейских модных магазинов. Этакая сильно усредненная внешность, лицо, которое ни за что не выделишь в толпе или какой-нибудь ежедневной сутолоке. Ей-богу, если ее переодеть в соответствующую одежду, должным образом причесать и накрасить, она точно смогла бы легко изобразить женщину из практически любой исторической эпохи – хоть Средневековье, хоть XVII век, хоть XIX, хоть начало XXI. В общем, на мой взгляд, для дворянки, пусть и венгерской, эта актриска из массовки выглядела довольно-таки бледновато. Хотя, как знать, возможно, для секретного агента подобный облик как раз самое то. Может быть, те, кто ее сюда посылал, именно из этой логики и исходили?

– Ладно, поскольку условная фраза была произнесена, я готова поверить, что вы – это вы, – сказала недостоверная Ката Дешеффи, возвращая мне паспорт. – Но не стоит излишне напрягаться и столь явно хвататься за пистолет, который у вас в правом кармане пиджака. «Парабеллум» с собой таскаете, не так ли? И, вообще, ведите себя естественнее...

Поняв, что моя собеседница мгновенно и чисто визуально определила не только факт того, что я вооружен, но еще и тип оружия, я тихо офигел. Вот это глаз у дамочки! Хотя, а чего я ожидал – она же явно секретный агент с большим стажем, а их, зуб даю, еще и не такому учат...

– Однако то, что вы – это вы, – продолжала графиня (говорила она негромко, но с противной интонацией училки младших классов), – сути дела не меняет. Поскольку человек вашей внешности с такими документами не вызовет у правоохранительных органов ничего, кроме лишних подозрений. Хотя, учитывая спешку и краткосрочность вашей миссии...

Стало быть, гестапо для нее «правоохранительные органы»? Этак она и Адольфа Гитлера назовет просто «германским канцлером», а Гимmlера «начальником полиции». Ну-ну...

– И что дальше? – добавила в завершение своего монолога эта барынька, не сделав никакой паузы. Ее надменный взгляд в этот момент заставил живо вспомнить демотиватор из Сети: «Запрет на матерную ругань Наташеньку не смутил, она умела матом смотреть». А из сделанных ею только что заявлений я заключил, что моя новая знакомая еще та стерва. Ну и подарочек бог послал на мою голову...

– А ваш паспорт можно посмотреть? – поинтересовался я, стараясь сохранять твердокаменное лицо.

– То есть как? – прямо-таки вскинулась графинька. Было очень интересно наблюдать, как брезгливое выражение ее капризного личика плавно перетекло в изумление пополам с испугом.

– А то есть так, вашеество, что мне вашу внешность, кроме одной деликатной особенности, подробно описать не удосужились. И откуда я знаю – может, вы не та, кто мне нужен, а просто хитрый вражеский агент с подвязанной в нужном месте подушкой? Вы тут только что изволили сказать, что мне не доверяете. Так смею вас уверить, что это взаимно. А раз так – потрудитесь предъявить документик!

– Это неслыханно! – изрекла графиня. – Вы же не думаете, что я все время таскаю документы с собой? Хорошо, извольте, я предъявлю вам паспорт, но только чуть позже!

В голосе ее зазвучала некоторая неуверенность. Что, собственно, и требовалось...

– Это есть гут, – сказал я, тщательно изобразив максимальное удовлетворение, и добавил: – Что ж, а дальше, любезная госпожа графиня, мы, я так понимаю, вплотную занимаемся вашим возвращением. Так что собирайтесь, и едем в Германию, машина у ворот. Конечная точка маршрута – Каффштайн. Я полагаю, вам должно быть известно это место? Надеюсь, возражений нет?

– В общих чертах. А возражений у меня, разумеется, нет.

– Вот и чудно. Да, один нюанс – тут возле самой клиники почему-то торчит очень подозрительная серая машина, похоже, с какими-то агентами. Это случайно не по вашу душу?

Ката Дешевфи посмотрела на меня настороженно, но, как мне показалось, эта информация ее ну несколько не удивила.

– Вообще, здесь и кроме меня есть несколько иностранцев, – сказала она задумчиво (было сильное ощущение, что графиня прямо-таки внаглую «лепит горбатого» мне в глаза). – А раз так – не стоит загадывать заранее. Возможно, это обычное наблюдение за клиникой в целом. Когда выйдем за ворота – поймем, что это. Если они действительно караулят меня – обязательно поедут за нами. Ну, я пошла собираться, ждите меня на выходе...

Она забрала книгу и, гордо покачивая животом, удалилась.

Через минуту появилась давешняя блондинистая Хелена, проводившая меня к выходу из особняка. В пустом холле я не задержался, сразу же выйдя на крыльцо. Встреченных мной ранее бабулек уже не было, а вот седой тип в очках сидел все на том же месте и, вроде бы, с той же газетой. Похоже, он эту «Цайтунг» не просто читал, а прямо-таки «прорабатывал».

Мысли в моей голове помчались прямо-таки аллюром, переходящим в галоп, причудливо сталкиваясь, смешиваясь и временами опережая друг друга. Я тщетно пытался уяснить хотя бы часть раскладов предстоящей мне операции, но что-то все равно не срасталось.

Зачем меня вообще прислали сюда для эвакуации этой дамочки? В чем глубинный смысл данного действия? Ведь Блондинка так и не удосужилась (может, за недостатком времени, а может, и вовсе не собиралась) до конца

растолковать мне этот момент, а по прибытии на место понятнее, увы, не стало. Почему эта сраная графиня не могла сама добраться до этого самого «подберлинского» Каффштайна, раз у нее выправлены вполне надежные документы гражданки союзной Гитлеру державы? Казалось бы – что тут сложного? Ну, конечно, бомбежки, покушение на фюрера, приближение линии фронта, то-се, но ведь поезда-то все равно ходят исправно. Да и разные там беженцы-погорельцы сейчас постоянно кочуют из одного конца Европы в другой, и поодиночке и целыми толпами, став более чем привычной деталью местного пейзажа. Купила бы билет в СВ, села и поехала с комфортом, тут даже и автомобиль не нужен. Или меня хотят уверить, что беременная незамужняя женщина в 1944 году категорически не могла путешествовать без сопровождающих? Кто это вообще придумал? Ведь на дворе, черт возьми, не XVIII век, когда дворянки не путешествовали без штата лакеев, кучеров и разных там служанок с камеристками.

Однако при инструктаже мне все же невзначай выболтали одну интересную подробность – и графинюшку, и ее покойного любовника сейчас должны были искать и СД, и контрразведка «Республики Сало». Что-то там связанное с арестом и изоляцией Муссолини в прошлом году. А дуче пока еще в силе и даже при какой ни есть должности, по крайней мере, в пределах своей «персональной песочницы» на севере Италии. Напрашивался вывод о том, что нашу мадам обложили настолько плотно, что она просто не может обращаться к агентуре сама (если за ней ходят по пятам, она автоматически завалит любую квартиру или дом, куда решит зайти или позвонить) и, в качестве последней возможности, укрылась в этой самой провинциальной частной клинике. И теперь тупо сидит в ожидании «спасателя», который приедет за ней. А раз так – в «Олимпии» у входа должны дежурить сотрудники СД, охотящиеся персонально на Катю Дешеффи. Правда, для меня оставалось непонятным, почему это они до сих пор не вломились в эту клинику и не устроили повальный шмон с надеванием браслетов графинюшке и заключением последней в узилище? Напрашивался простой вывод – германские и местные спецслужбисты имели приказ просто наблюдать за графиней, а отнюдь не арестовывать ее. А значит, их, как и в случае с приснопамятным пастором Шлагом, интересовала не сама мадам, а ее, культурно выражаясь, «связи».

В этом случае нас с ней начнут пасти от самых ворот клиники. Это, конечно, неприятно, но не так уж и страшно. Поскольку в момент, когда мы с ней доберемся до пресловутой лаборатории в Каффштайне, она, а за ней и я, просто исчезнем, оставив весь громоздкий карательный аппарат Эрнста Кальтенбруннера в дураках. Конечно, «в сухом остатке» жалко Жупишкина, а

равно и агента моих работодателей из Каффштайна (как он будет выпутываться из всего этого – вообще непонятно, да и аппаратура для переброски будет неизбежно «засвечена», но это уже точно не моя проблема, не я придумал план этой дурацкой акции), но что сделаешь? Ну и с самой графиней следовало держать ухо востро. Допустим, в спину она мне не стрельнет. Однако, под влиянием гормональных бурь своего организма, она запросто могла подлить или подсыпать мне в самый неподходящий момент какой-нибудь отравы или снотворного. Правда, неизвестно, что это ей даст – ведь, погибнув здесь, я просто досрочно выйду из игры, оставив эту выпендречницу один на один с ее проблемами...

Из размышлений меня вывел тяжелый и множественный отдаленный гул откуда-то из вышины. Я сдернул шляпу и задрал голову. Далеко в вышине голубое небо с запада на восток прочертили десятки светлых инверсионных следов. Похоже, это союзные «Летающие крепости», или «Либереиторы», в рамках очередной «челночной операции», шли куда-нибудь в Полтаву или Миргород, чтобы там дозаправиться топливом, подвесить бомбы и лететь обратно. Ну как же, помним – вторник, вчера пил с русскими за встречу, чуть не умер, среда, опохмелялся с русскими, лучше бы я умер вчера...

Характерно, что никаких звуков зенитной стрельбы или признаков идущего наверху воздушного боя я не слышал. Хотя здешняя ПВО была более чем хилая, да и высоковатости шли бомберы – не из всякой зенитки добьешься, и далеко не каждый истребитель достанет. Что тут скажешь – раз такие налеты здесь давно стали рутинной, значит, у них тут все всерьез...

Входная дверь клиники за моей спиной открылась. На крыльце возник плешивый слуга в отглаженной белой куртке и перчатках с двумя изящными чемоданами. «Человек» вопросительно посмотрел на меня, явно ожидая ценных указаний.

– Пожалуйста, пан, несите вещи к зеленому «Опелю», который стоит у ворот, – сказал по-немецки, стараясь быть максимально вежливым. Он меня, кажется, понял и послушно поволокся к воротам.

В этот же момент из клиники вышла и графиня. Одета она была, если можно так выразиться, «по-дорожному» – синяя юбка чуть ниже колен, голубая блузка, черные лаковые туфли на небольшом каблучке, более чем просторный двубортный жакет черного цвета с двумя рядами золотистых пуговиц, маленькая дорожная шляпка, похожая на традиционный головной убор

тирольцев, перчатки, темные чулки и дежурный макияж. На мой взгляд, дорогая Ката слишком уж зачернила глаза и ресницы (темный контур вокруг глаз придавал ей дополнительного трагизма), а вот по части маскировки беременности все было на высоте. Настолько, что при взгляде на нашу дворянку спереди сей момент можно было и не заметить. Хотя, конечно, при виде сбоку была отчетливо видна образуемая встопорщившимся внатяг жакетом изрядная «ступенька» на ее талии.

В руках графиня держала изящную черную сумочку с двумя пряжками и малюсенький чемоданчик. Ничего не сказав, она достала из сумочки паспорт и сунула мне в физиономию. На ее обиженном лице было прямо-таки написано – на? сволочь, подавись. Я просмотрел паспорт – ну да, документ был венгерский, ну да, вроде бы в порядке, и она действительно Ката Дешеффи, что дополнительно подтверждалось фото. Ничего другого мне бы там, в любом случае, не написали. Хотя, я же устроил эту стихийную проверку аусвайсов вовсе не по какой-то там жгучей необходимости, а просто выёживаясь, в качестве минимальной «ответки». Я, предельно мило улыбаясь, вернул особе графских кровей ее паспорт. Она убрала документ в сумочку, посмотрев на меня с недоумением. Затем я взял ее под локоток, и мы медленно, как и полагалось недорезанным буржуям, пошли к машине. Против поддерживания под локоток графинюшка не возражала, а вот мою попытку понести чемоданчик немедленно и решительно пресекла. Интересно, что у нее там лежало – фамильные драгоценности или какой-нибудь убойный компромат на первых лиц здешнего политического бомонда? Хотя, последнее было бы и вовсе смешно – компромат на Гитлера и его окружение исчислялся не чемоданами, а шкафами или даже железнодорожными вагонами. И это при том, что на трибунале в Нюрнберге обнародовали далеко не всё. Краем глаза я видел, как блондинка по имени Хелена смотрела нам вслед из-за стекол закрытой двери клиники. Интересно только, с какой целью?

Мы вышли за калитку и первым делом увидели Жупишкина, который, открыв багажник, помогал лакею погрузить багаж графини. Ну то есть как помогал – стоял у открытого багажника и глупо улыбался. Слава богу, кажется, он ничего не говорил при этом.

Потом лакей поклонился и, получив от меня бумажку в двадцать рейхсмарок, удалился в калитку. Дорогая Ката при этом ничего не сказала, но посмотрела на меня с плохо скрываемым возмущением – видимо, для оплаты услуг какого-то там лакея это была непомерная по здешним меркам сумма, но что делать? Ведь

в моем лопатнике не было никакой мелочи. Стало быть, я успешно изобразил того самого, средней руки заграничного пижона, под чьей личиной выступал. И это должно было запомниться.

Жупишкин критически оглядел нас. Внешний вид и некоторые особенности физического состояния графини, кажется, вызвали у него определенное недопонимание, но вслух он ничего не высказал. При этом Ката Дешеффи смотрела на него словно африканский лев на засохшее говно антилопы.

- Чего вы так долго? - вдруг спросил у меня Жупишкин, когда я подошел к нему вплотную, почти шепотом и, мать его так, по-русски.

- Блин, я же сказал, молчать! - прошипел я в ответ. Вот же конченый идиот...

Краем глаза я увидел, что на лице стоявшей позади меня графини этот диалог, кажется, вызвал целую гамму сложных чувств.

- А чего? - не понял Жупишкин. - Тетя же, наверное, своя в доску...

По выработанной в школьные годы привычке среднестатистический россиянин обычно именует «тетями» и «дядями» тех, кто выглядит старше его. И наш Вася тут, похоже, не был исключением, хотя на горьковскую старуху Изергиль Ката и не тянула. И еще, на его месте я бы столь опрометчиво и четко не делил всех вокруг на своих и чужих. Как говорили вшивые окопники, разные там «болотные солдаты» Первой мировой - свои по спине ползают...

- Да ничего, - сказал я. - Будь ласков, заткнись...

И, уже перейдя на плохой немецкий, пригласил графиню:

- Садитесь, поедem.

При этом Жупишкин стянул с башки кепку и услужливо распахнул перед ней заднюю дверь. Графиня пролезла на заднее сиденье и некоторое время устраивалась там поудобнее, тяжело дыша и отдуваясь.

После того как она перестала возиться, мы с Базилем-Василием разместились на передних сиденьях. Вроде все было в порядке. Как в песне – солнышко светит, курочка клюет...

Жупишкин медленно тронул машину с места и начал разворачиваться.

– Что тот серый «Опель»? – спросил я его, стараясь говорить по-русски с акцентом. Вдруг графиня русского языка все-таки не поймет? По-моему, получилось не очень убедительно, хотя, если честно, мы уже все равно спалились перед ней, причем предельно тупо. Как ни крути, по всему выходило, что дерьмо мы собачье, а не агенты-нелегалы...

– Один ихний гаврик выходил из машины и подходил близко, но ничего не спросил. Мне показалось – он наши номера смотрел, – казенно доложил Жупишкин.

Я немедленно посмотрел назад – серый «Опель-Олимпия» стоял на своем прежнем месте, и ехать за нами его водитель явно не собирался. Это, конечно, радовало, но не так чтобы слишком. Возможно, это действительно была «наружка», наблюдавшая за клиникой в целом, а не персонально за Катой Дешеффи.

Потом клиника скрылась за поворотом и в зеркале заднего вида замелькали росшие вдоль дороги дубы и липы. По возвращении я смотрел в справочниках – особняк нынешней клиники доктора Мартикана сохранился до наших дней, но далеко не в исходном виде. Когда в конце марта 1945-го части Красной армии брали Банска-Бистрицу и Братиславу и немцы попытались зацепиться в этом месте, по их обороне качественно отработала тяжелая артиллерия, штурмовики и «катюши». Из-за этого забор с воротами вокруг бывшей клиники исчез, а само изрядно пострадавшее во время тех боев и явно перестроенное здание на фото начала XXI века выглядело как-то бледно – другая крыша, какие-то дешевые стеклопакеты в окнах и прочее. Причем по состоянию на 2015 год в бывшей клинике помещался некий, как я понял, не шибко прибыльный частный отель.

– Вы русские, что ли? – вдруг неожиданно громко спросила графиня на чистейшем русском, без малейшего акцента.

У Жупишкина при этих словах автоматически отвисла челюсть и заметно выпучились глаза.

– Да, а как вы догадались? – ответил я. Признаюсь, меня этот ее вопрос-уточнение тоже поразил до глубины души.

– Ну, дорогие мои, такое трудно с чем-то спутать. Раз уж вы столь неосмотрительно открыли свои рты. Вы оба явно русские, причем, как мне представляется, откуда-то из азиатской части Евразии, предположительно – Урало-Сибирский регион. Боже мой, оказывается, все еще хуже, чем я могла предположить...

По лицу графини было видно, что она готова прямо-таки заплакать, хотя, как мне показалось, в этот раз она скорее прикидывалась. Ну и к чему такой надрывный трагизм?

– Угадали, ваше высочество, – ответил я на это. – В таком случае разрешите представиться – это Вася, а я Андрюша. И мы с ним ходим парой, хотя и не санитары. Выходит, вы и русский язык знаете?

– Разумеется, – невыразимо гордо подтвердила Ката Дешеффи.

– Это хорошо. Только вы все-таки старайтесь на нем с нами особо не разговаривать. Особенно на людях...

– Спасибо, что предупредили, – сказала она, с безмерно ехидной, издевательской интонацией. – С этим все как раз понятно. Только в отношении всего остального вы оба особо не радуйтесь.

– Почему?

– Потому что за нами «хвост».

– Где? – задал я дурацкий вопрос. При этом мысленно ругнув себя последними словами. Все-таки в тайных операциях я все еще оставался дилетантом. За разговором начисто забыл о том, что надо хоть иногда смотреть по сторонам, а вот наша графиня, как оказалось, «бдела недреманно», как и положено крутому

профессионалу...

– Уже минут пять, с момента выезда на шоссе, за нами, как приклеенный, едет темно-коричневый «Адлер», – нехотя пояснила Ката. – И в нем двое мужчин в штатском.

Вот интересно, как она это определила с такого расстояния?

– Черт, – только и сказал я, глянув в зеркало заднего вида и убедившись в достоверности этого ее наблюдения. Хотя двое сидят в машине или, скажем, четверо, я сказать не мог.

Действительно, означенный «Адлер» ехал за нами на почтительном расстоянии, но не отставал. Какое-то время я и Жупишкин сильно нервничали, а потом постепенно успокоились.

Таким макаром нас вели километров сто, до самой границы тогдашней Словакии с рейхом (а если точнее – с оккупированными польскими территориями, вошедшими в состав Германии после сентябрьской кампании 1939 года, именно где-то здесь проходила граница собственно рейха и «генерал-губернаторства»), которую мы пересекали у городка Тешин. Это был населенный пункт с довольно интересной историей. В начале 1939-го, когда Гитлер прибирал к рукам Чехословакию, Тешин с окрестностями успели откусить жадные поляки, а осенью 1939-го его вернула себе тисовская Словакия, так сказать, «в рамках восстановления исторической справедливости». Впрочем, в сам город мы не заезжали. А вот увязавшийся за нами «Адлер» свернул как раз в сторону города.

На погранпереходе у Тешина я впервые предъявил свой турецкий паспорт представителям здешней власти – немецким погранцам, а если точнее – сотрудникам таможенной службы Третьего рейха. Длинный, вроде бы не старый, но морщинистый длинноносый тип в похожем на армейский серо-зеленом мундире, но с полицейскими знаками различия (как известно, у полицейских структур Дриттенрайха, к примеру, имперский орел на эмблеме был размещен в круге) и зелеными кантами с интересом, переходящим в удивление, посмотрел мои документы.

– Herr Yildirim? – спросил он, едва выговорив мое фальшивое имечко, и уточнил: – Du bist Turkish?

– Ja, natürlich, – охотно согласился я. – Ich bin Turkish Burger! – А затем, из чисто хулиганских побуждений добавил, якобы по-турецки: – Tugan jar barkan sorikan big juragan!

Погранец изумленно вытаращил на меня свои бесцветные, как у мороженого карася, глаза, но ничего не сказал.

После краткого осмотра нас и машины, мы были пропущены за полосатый шлагбаум, в тысячелетний (а если точнее – двенадцатилетний) рейх. Вопросов не вызвали ни мой пистолет, снабженный разрешением на ношение оружия, ни липовые тодтовские корочки Жупишкина-Трясило, ни багаж и документы нашей дорогой графини. А вот бумага, подписанная Отто Олендорфом, как мне показалось, вызвала в погранцах приступ почтения, переходящего чуть ли не в низкопоклонство.

– Боже, что вы сказали бедному таможеннику? На каком языке? – искренне изумилась графиня Ката, когда мы отъехали на приличное расстояние от погранперехода и поехали напрямиком на север, в сторону Катовице, который, судя, по установленным шустрými арийцами дорожным указателям, сейчас именовался на германский манер – Kattowitz. Отмечу, что три года, с 1953-го по 1956 г. сей населенный пункт назывался еще и Сталиноград (угадайте с трех раз, в чью честь?). В Катовице нам надо было сворачивать налево и ехать на запад, по шоссе, ведущему на Бреслау (ныне Вроцлав), где чуть позже побывает «другой я» и далее, на Котбус и Берлин.

Ну вот как ей было объяснить (так, чтобы она действительно поняла), что у нас в Краснобельске, в том не слишком светлом будущем, штук пять телеканалов, на которых двадцать четыре часа в сутки поет и пляшет татарская и шкабырская эстрада во всех своих не слишком привлекательных видах и вариациях? А равно и про то, что в моменты, когда переключаешь каналы, в голове невольно оседают некие обрывки каких-то, похожих на ругательства или шаманские заклинания, отдельных фраз и строк из этих странных песен. Собственно говоря, один такой обрывок из «песен народностей» я и прочитал экспромтом таможеннику, не особо задумываясь о том, что это вообще могло означать. А ведь эти, воспроизведенные мной исключительно на слух, да еще и вырванные из контекста, татарско-шкабырские слова вполне могли прозвучать как все что угодно, вплоть до глубоко нецензурной брани...

– Я просто пытался изображать перед ним нечто, похожее на турецкий, а если точнее – на татарский язык, – ответил я, после краткого раздумья.

– Никакой это не татарский, – уверено сказала графинюшка. – А какая-то пошлая и дурацкая попытка пародии на него!

– Привыкайте, – усмехнулся я. – Все равно я не знаю турецкого, а на татарском могу разве что пустить по матери. Так что и дальше буду, по мере сил, комбинировать из трех пальцев. Можно подумать, гитлеровские погранцы или гестаповцы образованы настолько, что обучены понимать хоть какие-нибудь тюркские языки?

Графиня на это ничего не ответила...

История 2

Любительский спектакль с отсебятиной. Крутые повороты непростой шпионской жизни

Окраина города Каффштайн.

Район Ютеборг-Луккенвальде.

Около 50 км южнее Берлина.

Гитлеровская Германия.

13 августа 1944 г.

Каждую ночь нас буквально донимали ставшие уже привычными массированные авианалеты и сопутствующая им оголтелая зенитная пальба. Когда где-то в темноте над твоей головой натужно гудят проплывающие бомбовозы, по небу шарят лучи прожекторов, а зенитки крупных калибров долбят вверх столь усердно, что временами по крыше тарбанит железный дождь из относительно

больших, возвращающихся из вышины осколков, не больно-то поспишь.

По идее, после воя сирен воздушной тревоги полагается немедленно ховаться куда-нибудь в убежище или подвал, и не стоит особо сетовать на несчастливую судьбу, если во время такого авианалета ты как дурак шляешься по улице и тебя убивает куском железа от авиабомбы или зенитного снаряда. Но, поскольку мы были фактически на нелегальном положении и засвечивать свою личность лишней раз не имели права, не оставалось ничего другого, как просто затыкать уши и внушать самим себе, что вокруг ничего особенного не происходит, а это не бомбежка, а «просто гроза». Момент, когда на нас упадут уже не осколки, а полноценная фугаска, что характерно, не наступал, а значит, подобное самовнушение работало.

Вообще, вожделенный Каффштайн, к которому мы столь упорно стремились, оказался мелким, малонаселенным городишком, действительно с обещанным «научным» оттенком. Никаких значимых стратегических объектов в округе не было, а здешние, занимавшие комплекс зданий на северо-восточной окраине города (говорили, что в Первую мировую там размещалась школа подготовки младших офицеров кайзеровской тяжелой артиллерии с приданным артполком) «сомнительные», по словам посылавшей меня сюда Блондинки, лаборатории уж точно не интересовали англо-американских «богов войны», планировавших все эти массивные и не очень массивные воздушные наступления на Дриттенрайх.

Преимущественно чертовы союзнички бомбили находившиеся поблизости в большом количестве железные и шоссейные дороги, а также мосты. Кроме того, их бомберы явно стремились поразить две построенные неподалеку от Каффштайна «башни ПВО».

Знаете, что это за хреновины? Это такие шедевры явно помешанной гитлеровской военной архитектуры, иначе именуемые «Flacktturm». Руководимые Альбертом Шпеером умники решили, что раз затащить зенитку на крышу обычного германского здания проблематично, для размещения батарей ПВО в городской черте стоит строить некие «специальные здания». Сказано – сделано, и сколько было в те башни вбухано труда и средств (а башни эти были аж трех типов – два вида боевых и «управления») – не подсчитано до сих пор. На войне же денег не считают и любые средства хороши. Каждая такая башня – офигенная дура из железобетона высотой с девятиэтажку в стиле средневекового замка с минимумом окон, только казенно-серого, без всяких

изысков, цвета. Примерно так в советских детских книжках и фильмах-сказках представляли гиблые тюрьмы для заточения зеркальщика Гурда и разных прочих, сугубо положительных героев. В центре строения – гигантский куб, по углам, квадратом, четыре толстые башни. На крыше КП система управления огнем (на некоторых «Флактурамах» она дополнялась еще и радиолокатором), а по верху башен – платформы с четырьмя тяжелыми зенитками калибра 88, 105 или даже 128 мм (как правило – спаренными, и как они не надорвались их туда затаскивать?), имеющими круговой обстрел. А на ярус ниже, по периметру крыши каждой башни, «на балкончиках» – позиции 10–15 эрликоновских автоматов калибра 37 или 20 мм. Внутри каждой башни – погреб для внушительного боезапаса, гаражи и помещения для гарнизона в несколько сотен человек, в подвалах – бомбоубежища. В общем, серьезная, но все-таки нелепая штукенция – сохранилось полно военных и послевоенных фото, на которых сама «Башня ПВО» цела, а прикрываемый ею город вокруг превратился в поле сплошных руин...

По-моему, до наших дней сохранилось всего три или четыре такие «башни ПВО» (одна в Гамбурге и пара-тройка в Австрии) из нескольких десятков, построенных за время войны (восемь «комплектов» по две-три башни в каждом) вокруг Берлина (одна из них стояла, например, непосредственно в берлинском Тиргартене), Гамбурга и Вены. Все остальные взорвали и снесли на хрен после войны сами же немцы. И правильно, по-моему, – все равно проку от этих сооружений в мирной жизни не было никакого. Но и то, что осталось, по сей день поражает заезжих туристов. Видимо, прежде всего толщиной своих бетонных сводов и небывалым размахом по части выброса на ветер казенных средств.

Возвышавшиеся на фоне городских крыш и шпилей в редком леске на северной окраине Каффштайна мрачные громады «Флактурмов» явно входили в берлинскую зону ПВО, прикрывая вовсе не город, а железнодорожный мост через реку Хафель и находившуюся в нескольких километрах северо-западнее узловую станцию. Во всяком случае, расчеты этих двух размещенных возле Каффштайна «башен ПВО» явно лезли из кожи вон, стремясь доказать, что вовсе не даром трескают свой пайковый маргарин, и оттого палили по союзным самолетам при всяком удобном случае. Бомбардировщики время от времени отвечали на эти «салюты» парой-тройкой бомб, но пока добиться прямых попаданий в эти самые башни им, похоже, не удавалось. Но вот устраивать из-за этих двух башен массированный налет на Каффштайн (легко догадаться, что в этом случае от городка точно мало что осталось бы) союзное авиационное командование явно считало слишком накладным мероприятием, тем более что

каких-то страшных потерь от огня этих башен бомберы тоже вроде бы не несли...

О дорожных затруднениях по пути в Каффштайн сказать было практически нечего – добрались мы сюда довольно быстро, за четыре дня. Две ночи провели в каких-то пустых, пыльных квартирах, явных «явках», ключи от которых почему-то оказались у нашей дорогой графини. Откуда именно они к ней попали, я постеснялся спросить. Подозреваю, что у нее имелась в запасе масса других «домашних заготовок» на самые разные случаи жизни.

Еще один раз нам пришлось ночевать прямо в машине, в лесу.

Проверки по дороге были, но не думаю, что больше обычного. Полагаю, что любого другого, кто в это время имел основания (а также такую роскошь, как горючее для личного авто) для передвижения на автомобиле по Германии, шмонали точно так же, как и нас. Встреченные нами шуцманы всех мастей были предупредительны и не особенно любопытны. «Хвост» за нами не обнаруживался с самого момента пересечения границы рейха, но подозреваю, что здесь он мог уже и не требоваться. Нас могли довольно легко вести по донесениям с проходимых нами КПП и сводкам дорожной полиции. Особенно если принять во внимание тот факт, что Ката Дешеффи могла быть персонажем, хорошо знакомым СД. В этой связи я снова и снова задавал себе вопрос, на который у меня не было ответа, – что мешало нашей дорогой графине проделать этот путь в одиночку? Или весь расчет был на то, что, увидев графиню путешествующей в компании непонятно откуда свалившегося странного типа с сомнительными документами, гестаповские бюрократы сильно удивятся и кинутся устанавливать мою личность? А пока они это делают, роя носом землю, время будет упущено, и мы успеем все то, что запланировано моими работодателями?

Правда, с подачи графини мы все-таки сделали один, опять-таки не очень понятный мне, «финт ушами». Уже оказавшись между Одером и Нейсе, она велела остановиться и куда-то позвонила из телефон-автомата. Дальше все было как в плохом бюджетном детективе. Следуя командам хитромудрой Каты и соблюдая все формальные правила «ленинской» конспирации, ночью, не зажигая фар, мы с максимальной осторожностью заехали на безлюдное подворье какого-то провинциального поместья, после чего осторожно загнали наш «Опель» в один из тамошних каменных сараев. Там же, в сарае, нас ждала другая заправленная под пробку машина – бежевый «Хорьх» с выправленными

на мое имя документами.

Я предпочел промолчать по поводу этого иррационального выбрыка, допереть до сути которого мне было явно не дано. Ведь никакой «наружки» за нами полюбому не было и, как по мне, подобная замена только усложняла нам жизнь. Все вроде бы знают, что у гитлеровцев бумажки подшивались аккуратно, и наш обмен шильца на мыльце должен был вызвать у них лишь дополнительные подозрения. Действительно, с чего это некий подозрительный турок, въехав в рейх на одной машине, потом вдруг, ни с того ни с сего, взял да и пересел на другую? Что это еще за капризы восточного гостя? С тем же успехом я, наверное, мог бы написать себе на лбу «я не тот, за кого себя выдаю» и в таком виде разгуливать по Берлину. Хотя, принимая во внимание явную одноразовость моей миссии, я не воспринял все это как нечто, заслуживающее внимания. Я считал, что успею свалить отсюда раньше, чем до гестапо дойдут отголоски всего этого мухлежа с автомобилями.

В Каффштайне, в соответствии с первоначальным планом, нас встретил агент, используемый моими работодателями «втемную». Я так понял, этот типчик был из «научников», как меня и предупреждала Блондинка. Агент был мелким, шустрым и очень уверенным в себе мужичонкой лет сорока по имени Рудольф Эрфрор. Своими строгими костюмами и галстуками, а также ранней плешью и очочками в модной оправе, герр Эрфрор чем-то напоминал мне фото относительно молодого Вальтера Ульбрихта, только без бороденки и со значком члена НСДАП на лацкане пиджака.

Разместил он нас в довольно большом, но пустоватом двухэтажном доме на южной окраине городка, на улочке Hintere Gasse (Задний переулок?), недалеко от пересечения последней с Schillerstrasse (ну да, у них в Германии кругом сплошные Шиллеры и Гете). Судя по всему, дом этот был им арендован заранее. Во всяком случае, сам наш «встречалка» там не жил.

«Хорьх», на котором мы прибыли, был сразу же куда-то уведен, а нам категорически не рекомендовали выходить на улицу (благо нужник и прочие удобства тут были прямо в доме) и даже без особой необходимости подходить к окнам. Все остальное у агента Руди было явно отработано. Холодильник в доме отсутствовал, но два раза, строго через день, в дом являлась какая-то пожилая кухарка (по виду – классическая немецкая гримза, архетип этакой классной дамы из XIX века), которая готовила нам на сутки горячую еду. Особыми разносолами нас не баловали (как-никак война плюс карточная система) – на

первое старуха варила картофельный суп со шпиготом и гороховый суп с чем-то копченым (ребрами, судя по всему), а на второе была традиционная для этой страны тушеная квашеная капуста.

При этом дальше кухни на первом этаже она никогда не ходила и вообще была на редкость нелюбопытна, хотя и явно понимала, что здесь кто-то живет. Во всяком случае, на наш второй этаж дома кухарка ни разу не совалась. Оно и понятно – меньше знаешь, шире рожа. Тем более что посуду за собой мы мыли сами, а пайковые галеты, консервы, крупы и эрзац-кофе на случай какого-нибудь «внезапного перекуса» в кухонных шкафах и буфетах имелись.

Самое интересное было в том, что герр Эрфрор много и вежливо улыбался, но решительно ничего не спрашивал о сути предстоящего дела ни у графини, ни у меня. То ли он все уже знал заранее (а значит, его подробно проинструктировали), то ли графиня успела с ним о чем-то договориться, не поставив меня в известность – контролировать ее ежеминутно я все-таки не мог.

В общем, мы просидели в этом съемном доме четверо суток. И при этом не делали практически ничего. В основном спали и ели. Ката, как и положено классической барыне, волею судьбы оказавшейся в компании провонявших кожухами и онучами холопов, держалась по отношению к нам довольно обособленно, занимала отдельную спальню и в основном читала книги из имевшейся в доме крайне небольшой библиотеки. С нами она почти не разговаривала.

Я, как человек, самоуверенно полагающий себя грамотным, как-то попытался оценить содержимое местных книжных шкафов и, надо признаться, тихо офигел, прочитав названия на корешках некоторых томов.

Ладно, допустим, насчет каких-нибудь «Schopenhauer als Erziehern», «Vermischte Meinungen und Sprüche», «Also sprach Zarathustra» или там «Gedanken über die Zukunft unsere Bildungstalten über Wahrheit und Lüge im ausermoralischen Sinn» от Friedrich Wilhelm Nietzsche (знаете такого автора?), я еще могу понять. Но ведь там же стояли и печально известный «бестселлер» «Mein Kampf» от А. Hitlera и разные там «Die Spur der Juden in Wandel der Zeiten», «Das Verbrechen der Freimaurerei» и «Borser und Marxismus» от другого, аналогичного «литератора», А. Rosenberga, а также и вовсе непонятные мне книги какого-то Waltera Wusta, вроде «Indohermanisches Bekenntnis» или «Tod und Unsterblichkeit in Weltbild indohermanischer Denker». Я потом долго думал, что за хрен с бугра этот

Вальтер Вюст и за что это ему такой почет (стоять в шкафу рядом с трудами фюрера и его первого «апостола» Розенберга)? Но потом вдруг, невзначай вспомнил, что это вроде один из руководителей пресловутой «Аненербе». Так что, принимая во внимание специфику трудовой деятельности дорогого Руди Эрфрора, библиотека, видимо, была вполне подходящая. При этом я боюсь даже предположить на тему того, что творилось в голове у человека, набивающего шкафы такой вот литературой. Хотя, с другой стороны, раз дом был съемным, вся эта макулатура могла принадлежать неведомым нам прежним хозяевам жилища и не иметь вообще никакого отношения к агенту Руди.

Лично я читать всю эту напечатанную готическим шрифтом лабуду не собирался, поскольку для меня проку от данных книг точно не было никакого. Тем страннее для меня было видеть, как наша дорогая графинюшка каждый вечер внимательно читает что-нибудь вроде «Zur Genealogie der Moral» или «Der Antichrist» F. W. Nietzsche.

Поскольку телевидения в нашем понимании этого слова в те времена не было, а шнапса и прочего бухла хитрый Руди в нашем временном обиталище не держал, мне оставалось вести наблюдение за округой, благо армейский бинокль в доме нашелся. Но это не давало ничего, кроме осознания лишней раз того упрямого факта, что Каффштайн – на редкость малолюдный городок, в котором не происходит вообще ничего. И, видимо, так будет продолжаться вплоть до весны будущего года, когда сюда заявится 1-й Украинский фронт со всеми своими танками. А уж если нас, при нынешнем раскладе, захотят взять «тепленькими», мы обнаружим врагов не ранее чем в момент, когда они уже будут в доме. И из своего «люгера» я в этом случае не успею даже застрелиться.

В общем, из окон второго этажа и даже с нереально чистенького чердака нашего дома я раз за разом видел в бинокль только редких прохожих и еще более редкие автомашины. Так что, фактически, единственным «разлечением» можно было считать лишь все те же авианалеты.

Васе Жупишкину, который был во всем этом человеком случайным и не имел понятия о конечных целях нашей миссии, было еще хуже. Разумеется, при первом же удобном случае он расспросил меня насчет состояния нашей графини и, как и полагается русскому человеку, даже искренне пожалел ее. Вот, дескать, бедная, влипла на тайной службе по самое не могу.

Я ему на это ничего не сказал, хотя сам, чем дальше, тем больше, понимал, что история этой очередной липовой «радистки Кэт» выглядит как-то, мягко говоря, не очень достоверно. Нет, то есть понятно, что такие явления, как любовь, смерть и рождение детей происходят постоянно и вне зависимости от любых внешних факторов, тут даже и войны с революциями и прочие стихийные бедствия не помеха. Детей, было дело, и прямо на переднем крае рожали, примеры известны. Но все же, надо признать, что маститый Юлиан Семенов все-таки изрядно хватил через край, написав в столь успешно экранизированных «Семнадцати мгновениях весны» о беременности упомянутой выше радистки. Не знаю, как там обстояло в этом вопросе за бугром, у разных там врагов и временных союзников, но в спецслужбах СССР в те годы всем отправляемым на нелегальную работу женщинам делали, по стандартной методике, несложную операцию по перевязке маточных труб. Именно для того, чтобы исключить всякие последующие неприятности, вроде злыдня Рольфа с его открытым окном и прочими некорректными методами допроса. Или они там, в этом своем будущем, настолько поглупели? Хотя, ответов на это у меня все равно не было.

В остальном Жупишкин целыми днями дрых, подъедал разную не слишком питательную пайковую сухомятку, найденную в кухонных шкафах, или настраивал стоявший в доме радиоприемник на Москву, слушая русскую музыку и победные сводки Совинформбюро, и искренне радовался. Естественно, я постоянно капал ему на мозги насчет громкости звука и прочих законов подпольно-партизанской борьбы – не хватало еще, чтобы нас обнаружили раньше времени. Да еще из-за того, что ему приспичило лишний раз послушать какой-нибудь нетленный хит Клавдии Шульженко. Жупишкин дисциплинированно внимал, но с моей стороны это было явной перестраховкой – никакой активности в соседних с нами строениях я за четыре дня так и не обнаружил – там были плотно закрыты оконные ставни-жалюзи и заперты входные двери. Похоже, дальновидный герр Руди снял нам апартаменты в окружении домов, где в данный момент особо не жили. С его стороны это было умно.

Ну а наша графиня не обращала внимания ни на что и все так же читала книжки. Выглядело это прямо как какое-нибудь рекламное фото – в отделанной в персиково-фисташковых тонах комнате сидит в старинного вида кресле грамотно причесанная и покрашенная женщина в красивом платье свободного покроя и, вытянув ноги в модельных туфлях, читает какой-нибудь толстый том, вроде «Der Wille zur Macht» все того же F. W. Nietzsche. Это прямо-таки просилось на страницы какого-нибудь женского журнала, тем более что графинюшка меняла наряды чуть ли не по два раза на дню, каждое утро появляясь в новом

платье, а вечером – в какой-нибудь элегантной ночнушке или халате с кружевами. Возникало ощущение, будто она не сидела в погребке, ожидая «урочного часа», а собиралась как минимум в театр...

Дорогой господин Эрфрор продолжал возникать в нашем убежище раз в сутки, но ничего нового не говорил, лишь успокаивая и повторяя нам, что «все идет по плану». Похоже, что подготовка переброски ее высочества в будущие времена все-таки требовала времени.

Разумеется, про горемычного Жупишкина мы с ним сразу же договорились, хотя и в самых общих чертах. Рудольф пообещал, что, когда мы с графиней исчезнем, Вася останется у него и те, кого мой приبلудный «коллега» искренне считал «местным антифашистским подпольем», обеспечат его уход. Правда, полной уверенности в том, что все будет именно так, как говорил Руди, у меня все-таки не было, как не было и возможности проследить за дальнейшими действиями данного агента. По здравому размышлению, ради сохранения секретности нашего Васю могли просто удавить брючным ремешком, а потом разобрать на запчасти и раскидать их по разным помойкам, утопив голову в канализации. Как знать – может быть, у герра Эрфрора тоже была завышенная планка по части конспирации и инстинкта самосохранения. Самому Жупишкину я об этих подозрениях, разумеется, не говорил – пусть, до поры до времени, надеется на лучшее. Вдруг действительно выкарабкается?

Наконец 13 августа, аж на пятый день нашего затянувшегося «тайм-аута», милейший господин Руди Эрфрор явился к нам рано утром, в совершенно неурочный по его меркам час, и, сияя, словно новенький червонец, прямо с порога доложил мне и графине, что все «в общем и целом готово» и вечером мы наконец поедем в интересующую нас лабораторию. Насчет несчастливого числа он был, похоже, не суеверен, и очень зря.

Он уточнил, что вечером на их объекте будут вестись плановые работы по проверке электрохозяйства и замене износившегося и вышедшего из строя электрооборудования, вплоть до лампочек и выключателей. Все необходимое для ремонтных работ завезут в лабораторию и будут разгружать. При этом наш друган Руди оказался в числе дежурных по объекту, то есть будет непосредственно руководить этим процессом – принимать привезенное, командовать грузчиками, заниматься подсчетами, складированием и прочими формальностями.

Вообще, весь его план был прост как мычание. Примерно в 19.30–20.00 у нашего дома остановится фургон, один из тех, что будут доставлять на объект оборудование. Шофер фургона свой и полностью в теме. Он же поможет нам с графией погрузиться в кузов и спрячет нас за грузом. Осматривать фургон на въезде на территорию лаборатории местные охранники не должны. Машину с нами господин Эрфрор будет встречать лично. Далее он проведет нас в нужное помещение (к пресловутому «порталу для перехода» то есть). Ну и на этом, собственно говоря, и все. Мы исчезаем (мне при этом, видимо, все-таки придется пустить себе пулю в лоб), он остается. Вроде все выглядело более чем понятно и просто. Но более краткой, глупой и, главное, непонятной, миссии в прошлом у меня еще не было. Хотя, надо же когда-нибудь и начинать заниматься подобной рутинной...

Жупишкину предписывалось оставаться на месте, сидеть и ждать, пока следующим утром дорогой Руди не соизволит прийти или приехать за ним. Ну и далее все по договоренности. Изложив нам все это, наш агент ушел. Вообще, я уже заметил, что он всегда приходил пешком, игнорируя любой автотранспорт – городок был небольшой, и экономить в столь сложное время бензин явно имело смысл. Да и машина у дверей нашего дома была бы только лишним поводом для ненужных подозрений.

Уходя, Рудольф сказал, что непосредственно перед приездом означенного фургона, в момент, когда все будет готово, он нам позвонит. Благо городской телефон в доме был, хотя за все время нашего «заточения» мы им не воспользовались ни разу, не желая себя обнаруживать. Мало ли кто мог быть явно и нелегально подключен к местной линии...

Поскольку говорили мы с Эрфрором по-немецки, плохо подкованный по части знания вражеских языков Вася Жупишкин ничего не понял. Пришлось коротенько объяснить ему, что этим вечером наши дорожки, возможно, разойдутся навсегда. Он не то чтобы расстроился, но как-то напрягся. Как я уже понял, Германия и все, что с ней было связано, его явно напрягала. Как бы после нашего с графией ухода он не надумал рвануть на восток самостоятельно – этим он не принесет ничего, кроме лишней головной боли, агенту Руди. Но предостерегать Васю от подобных шагов я не стал – мало ли, вдруг у него получится?

Затем мы пообедали чем бог послал, а ближе к вечеру мы с графией начали собираться.

Примерно к 18.00 мы были готовы. Ката собрала волосы в пучок и переделалась в свободное черное платье, черные туфли без каблуков и темные чулки – видимо у нее были такие любопытные представления о маскировке в ночное время. При этом она, что характерно, не забыла о золотых сережках. Подготовившись подобным образом, она засела читать в своей комнате, опустившись в привычное кресло. Я успел заметить заголовок книги – на сей раз это были «Die Protokole der Weisen von Zion und die judische Weltpolitik», авторство А. Rosenberga. Ну-ну, самое то чтение, особенно на ночь глядя...

Я облачился в дежурный костюм, положив заряженный пистолет в правый, боковой карман пиджака. Дальше мы сидели и ждали, не зажигая света и стараясь не шуметь. При этом я устроился с биноклем у окна второго этажа, ожидая телефонного звонка герра Эрфрора. Графиня при свете тусклого ночника (в ее комнате, видимо, исключительно ради светомаскировки, были всегда плотно закрыты оконные ставни и шторы) продолжала, как мне показалось, внимательно изучать розенберговскую муру о протоколах сионских мудрецов, не выходя из все той же спальни, расположенной практически за моей спиной, а Вася, как обычно, отирался на первом этаже, как и положено настоящему русскому солдату – подальше от начальства и поближе к кухне.

В августе дни уже укорачиваются, и к моменту, когда мы с ее высочеством были готовы, и без того тусклое в этот день солнце ушло за горизонт и улицы Каффштайна затянуло вечерней дымкой. Телефон безмолвствовал, и возникшая пауза начинала нервировать. Мне даже казалось, что я начинаю слышать, как тикают ходики, висевшие на стене примыкавшей к кухне столовой, на первом этаже – их звук начинал, чем дальше, тем больше, напоминать, как минимум, кремлевские куранты. Я посмотрел на наручные часы, было уже 19.56. Что-то наш дорогой Руди не торопился звонить, да и обещанный им фургон в пределах видимости тоже не появлялся. То есть пару раз за все время по соседним улицам проезжали какие-то машины, но в нашу сторону они не сворачивали. Как говорили в мультфильме про ведущих следствие Колобков – или что-то случилось, или одно из двух.

И только я об этом подумал, как неожиданно услышал выстрелы и глухой взрыв примерно в той стороне, где был расположен интересующий нас объект. В мой бинокль стали видны сполохи огня (одно из зданий явно загорелось), а над крышами в темнеющее небо потянулся дым. Потом бабахнуло еще несколько тихих одиночных выстрелов. При этом сигналов воздушной тревоги никто не подавал. Блин, что это за дела? Неужели всего в полусотне километров от того

самого бункера, где резвился со своей Евой Браун один всемирно известный бесноватый брунет, неожиданно объявились какие-нибудь партизаны или подпольщики? А если все же объявились – почему этот сраный «резистанс» вдруг начал свое сопротивление именно сейчас и именно здесь? Или в местных лабораториях, по обычной нацистской практике, работали военнопленные, которым именно в этот вечер отчего-то вздумалось сбросить оковы и взбунтоваться? Черт возьми, ну не бывает таких совпадений!! Сказать, что мне все это показалось странным, – значит, ничего не сказать. Скорее я уж был бы готов поверить, что на объекте произошла какая-нибудь авария – короткое замыкание или, скажем, утечка газа. Но какого хрена тогда стреляли?

И почти сразу же, мгновенно похоронив эти мои догадки, в той же стороне ударило еще три одиночных выстрела, на сей раз более громких, похоже, винтовочных. Уже понимая, что происходит что-то, явно незапланированное и даже выходящее из ряда вон, я начал лихорадочно обшаривать горизонт в оптику. Бляха-муха, это было практически бесполезно, слишком узкий сектор обзора открывался из окон нашего второго этажа, да и темнело.

Вот же влипши... Как последние идиоты... Если перестрелка перекинется на городские кварталы или местная полиция, усиленная армейцами, вдруг кинется прочесывать окрестную территорию, мне вряд ли поможет мой жалкий пистолет...

Услышав шорох за спиной, я оторвался от бинокля и увидел, что Ката оторвалась от своего чтения и вопросительно смотрит на меня через открытую дверь спальни, а снизу прибежал запыхавшийся Жупишкин. Странно, что я не услышал, как он прибежал, наверное, это нервное.

– Что такое? – поинтересовалась графиня по-русски, прежде чем Вася успел открыть рот.

– А я, блин, знаю? Сначала что-то взорвалось, а теперь вот стреляют. Причем именно там, где оно нам совсем не надо. Надеюсь, наш дорогой друг Рудольф потрудится объяснить нам, в чем тут дело. А пока что, ваше благородие, погасите лампочку, отложите чтиво и старайтесь не шуметь, – ответил я графине.

Та подчинилась, оставшись сидеть в темноте в прежней позе. И, похоже, книжку Розенберга она все-таки не отложила. Лень или она умудрялась читать готические буквы в затянувшем комнаты вечернем сумраке?

– А ты, друг ситный, не мелькай тут, – сказал я Василию. – Лучше спустись-ка вниз и секи во все глаза за входной дверью и окнами первого этажа, чтобы никто, не дай бог, неожиданно не появился у дома. Что-то мне все это нравится все меньше и меньше...

Вася, осознавая, что сам я тоже пока ни черта не понимал в происходящем, спорить не стал и охотно убежал, ссыпавшись своими костями вниз по лестнице. Правда, а что он мог сделать, если в доме вдруг вломился бы непонятно кто или, скажем, гестапо? Разве что звать меня или вооружиться стихийно кухонным ножом – топоры и прочие сельскохозяйственные орудия вроде вил в нашем жилище отсутствовали начисто.

За окнами продолжали звучать отдаленные одиночные выстрелы и гудение автомобильных моторов. По улице справа от нас проехала в ту сторону, где шла перестрелка, темно-зеленая полицейская машина DKW. Еще минут десять спустя я заметил, как по соседней улице, куда-то, опять-таки в направлении, где продолжали стрелять, пробежало человек десять солдат во главе с унтер-офицером, в вермахтовских мундирах и касках, с винтовками наперевес. В бинокль я сумел рассмотреть их крайне озабоченные физиономии.

А в районе объекта продолжали бестолково палить. В какой-то момент к одиночным выстрелам примешались и какие-то короткие очереди, от которых перестрелка стала и вовсе какой-то нервно-хаотичной.

Вскоре я увидел, как по улице в сторону объекта проехали два больших, угловатых, заляпанных пятнами трехцветного камуфляжа грузовика MAN. Их кузова были битком набиты солдатами. Судя по синеватому цвету мундиров и знакам различия (желтые петлицы и прочее), эти вояки были уже из люфтваффе. Бравые зенитчики или какая-нибудь авиаполевая часть? Во всяком случае, все солдаты в кузовах были «в полном боевом», при касках, амуниции и личном оружии – вроде бы даже пулеметы имелись. Грузовики скрылись из виду, но в районе объекта после этого отнюдь не стало спокойнее.

Стрельба одиночными и короткими очередями продолжилась, а минут десять спустя в ее нестройный «хор» неожиданно и мощно вплелись «голоса» пары пулеметов (судя по смутно знакомому звуку – MG-34), а над крышами потянулись куда попало красивые нитки трассирующих пуль. Один трассер улетел аж в сторону одной из башен ПВО и там погас. Оттуда суматошно замигала «сварка» ответного пулеметного огня. Градус стрельбы резко повысился, потом там что-то несколько раз не очень сильно взорвалось (похоже, это были ручные гранаты), и стрельба стихла – было несколько запоздалых одиночных выстрелов, а потом враз как обрезало. В наступившей тишине стало видно, что пожар на объекте продолжался и что-то там все так же горело, причем довольно сильно – красные отсветы огня метались на темном фоне крыш и строений. Послышался характерный вой сирен и шум автомобильных моторов – похоже, с другого конца городка к очагу возгорания наконец-то поспешила пожарная команда.

Треск телефона в соседней комнате ударил по моему слуху и нервам, словно взрыв в замкнутом пространстве. Я метнулся к аппарату, придерживая болтавшийся без дела в кармане тяжелый «люгер».

В трубке возник глухой голос товарища Эрфрора.

– Ничего не предпринимайте, – сказал он мне по-немецки, не тратя лишнего времени на приветствия. И добавил: – Сидите на месте и ждите меня. Я скоро приеду и все объясню.

После этого драгоценный агент Руди дал отбой.

– Какие новости? – поинтересовалась из полутьмы, все так же не вставая с места, графиня.

– Да никаких. Сплошной, мать его, мрак и туман. Наш дорогой дружбан сообщил, что скоро будет здесь и все объяснит лично. Но у меня такое чувство, что наша с вами операция срывается. Вы, вашество, пожалуйста не шумите и света не зажигайте.

– Хорошо, – ответила Ката. Судя по голосу, она совершенно не нервничала. Хотя, стоило ли психовать, в ее-то состоянии?

Примерно через час, когда стало почти темно и стрельба стихла, где-то совсем близко затарахтел не слишком мощный автомобильный мотор. Спустя несколько минут у перекрестка нашей улочки и соседней Schillerstrasse затормозил «Кюбельваген» в однотонно-серой, вермахтовской окраске. За рулем был мужик в гражданской светлой рубашке с темным галстуком, а на переднем сиденье рядом с шофером я, с некоторым облегчением, узрел знакомую плешивую личность в темном пиджаке. «Кюбель» тут же уехал, а его пассажир торопливо засеменял в нашу сторону, временами переходя на вихляющийся бег.

Ну, хоть какая-то определенность...

Наконец дорогой наш долгожданный Рудольф появился внизу. Было слышно, как он гремит стаканами (как видно, ручки тряслись) и пьет воду на кухне. Затем он наконец поднялся на второй этаж в сопровождении впустившего его в дом Жупишкина. Еще недавно почти щегольский костюм герра Эрфрора был испачкан известкой, пылью и землей (особенно это было заметно на коленях и локтях), узел галстука максимально ослаблен, на рубашке и лице лежал слой копоти. От его прежнего спокойствия, переходящего в самоуверенность, не осталось и следа. Теперь глаза у Руди были испуганно-растерянные. Как у плененного где-нибудь под Сталинградом обмороженного румына.

Графиня медленно встала с кресла, вышла из спальни и изящно присела на стоявший в углу диван.

- Что случилось? - задала она простой вопрос по-немецки.

- Я ничего не понимаю, но в лаборатории была стрельба! - выдохнул наш агент.

- Да ну? Именно сегодня? - уточнил я. - Какое неожиданное и радостное совпадение!

При этих словах Руди посмотрел на меня так, словно хотел прожечь взглядом насквозь, словно лазер американской системы ПРО русскую боеголовку где-нибудь в верхних слоях атмосферы, и тут же, торопливо закалякал по-немецки. Так, словно плотину прорвало, - чувствовалось, что ему очень надо было выговориться. Дальнейшая речь герра Рудольфа была эмоциональна и сбивчива, местами он переходил на какой-то явный сленг и разные прозрачные аналогии и аллегории, из-за чего время от времени я вообще переставал его понимать.

Впрочем, надеюсь, что основной смысл сказанного Эрфрором я все-таки сумел уловить. Если нет – можно было уточнить у Каты. Уж она-то точно поняла все, что он рассказал. И, наверное, даже более того.

Для начала, партайгеноссе Руди довольно долго скулил на тему того, как он, бедный, был сверх меры удивлен и ошарашен как произошедшим в целом, так и тем, что все это случилось именно сегодня вечером.

В общем, на объекте, причем в том самом здании и в той самой лаборатории, в подсобное помещение которой мы с графией сегодня и должны были попасть, неожиданно объявились человек пять неизвестных. Без малейших особых примет, по виду обычные мужики средних лет и среднего роста, в практически одинаковых штатских костюмах. Я меланхолично отметил для себя, что обычно разные там профессиональные людобои из каких-нибудь спецвойск именно так, предельно неприметно, и выглядят. Среди реальных разведчиков-диверсантов запоминающихся качков как-то не держат.

При этом Рудольф посчитал за отдельную странность то, что вообще никто не видел, как они туда вошли (вход в лабораторный комплекс был по пропускам, на входах круглосуточно стояли вооруженные часовые). По его словам, выходило, что неизвестные словно сгустились из воздуха, появившись прямо-таки из ниоткуда (подобные заблуждения проистекали от того, что его современники не могли видеть в деле спецназ ГРУ и разную прочую «Альфу»). Уточнить, как они появились и где именно, было невозможно, поскольку в той лаборатории в этот самый момент никого не было.

Далее неизвестные стали спускаться на первый этаж. Навстречу им некстати попались двое лаборантов и охранник, тащившие наверх коробки с каким-то электрооборудованием. Что у них там произошло далее, тоже неясно, но лаборанты и охранник были моментально убиты холодным оружием, не успев даже пикнуть, а пистолет охранника оказался у неизвестных. Затем эти неизвестные спустились на первый этаж, где скучали на вахте еще два расслабленных охранника (охрана этого, как и прочих подобных объектов, как я понял, состояла из людей, по разным причинам не годных к строевой службе на фронте – либо пожилых, либо разного рода инвалидов, хроников и просто утырков). Судя по всему, охранники попытались остановить их для проверки документов и выяснить, кто это такие и как попали на объект. Однако неизвестные мгновенно и без шума ликвидировали и этих двух олухов царя небесного, после чего забрали оружие (и личное, и то, что нашли в местной

«караулке»), после чего очень технично испортили связь, и внутреннюю и с городом.

За этим занятием их, похоже, застал некий зашедший в здание шофер из местного персонала, который понял, что запахло жареным, и, естественно, попытался банально убежать с дикими криками. Догнать его неизвестные то ли не смогли, то ли поленились. Во всяком случае, шофер был ими застрелен. На вопль шофера и этот первый выстрел, который я, судя по всему, вообще не услышал, сбежались немногочисленная охрана и оказавшийся поблизости персонал. Неизвестные открыли по ним огонь, убив и ранив еще несколько человек, после чего, явно для отвлечения внимания, устроили пожар. В помещении кладовой на первом этаже, рядом с «караулкой», были складированы килограммов сто угля в брикетах (его уже начали завозить сюда к грядущему отопительному сезону) и небольшой запас керосина для примусов и прочих бытовых надобностей, так что гореть там было чему. Видимо, хлопок от бидона с керосином и был первым взрывом, который я слышал. Плюс к этому в огне стали рваться патроны, которые злоумышленники то ли забыли там, то ли специально подкинули в горящую кладовку.

Ну а сами неизвестные, воспользовавшись возникшей суматохой, довольно легко ушли с объекта. Охрана позорно растерялась и особо не успела им воспрепятствовать. Точнее сказать, скорее всего охранники их просто не видели. Убив ножом еще одного охранника, торчавшего на посту у ворот и явно намеревавшегося что-то у них спросить, неизвестные оказались на автостоянке у входа, без проблем завладели двумя или тремя легковыми автомобилями (хотя ключей от машин у них вроде бы не должно было быть) и спокойно скрылись.

– А если эти неизвестные личности столь быстро смылись, почему потом так долго шла стрельба? – задал я вполне резонный вопрос.

Орел наш Руди ответил, что после начала пожара среди не привыкшего к подобному «кошмару» (вы, ребята, кошмаров еще не видели, настоящий кошмар здесь начнется будущей весной) персонала началась откровенная паника. Начальник охраны, некий «герр Газенклевер», пожилой армейский обер-лейтенант, тоже из числа запасных, хоть и с опозданием, но поднял тревогу, одновременно позвонив в город и вызвав подкрепление.

Но поскольку внутренняя связь была испорчена (о чем ни он, ни его подчиненные, разумеется, не догадались), часть персонала и охраны вообще не

услышала его команд и ничего не знала о прибытии солдат – многие решили, что это банальная воздушная тревога, и привычно ринулись в сторону бомбоубежищ.

А у прибежавших по тревоге солдат из комендатуры нервы были на взводе, но не было пропусков, и, естественно, никто не удосужился сообщить им пароли для доступа на объект. Поэтому, когда первые солдаты наконец появились, охрана зачем-то начала стрелять по ним, а те, не будь дураки, стали отвечать. При этом и теми, и другими было застрелено еще несколько случайно оказавшихся на линии огня особо невезучих личностей из числа персонала. Из рассказа Руди можно было сделать вывод о том, что банально стреляли по всему, что шевелилось.

Далее приехал на двух грузовых машинах еще, как минимум, взвод солдат (их проезд по городу я наблюдал), на сей раз из люфтваффе, чье командование вообще не знало обстановки. И, толком не разобравшись, они тоже вступили в перестрелку. При этом ребята из ведомства рейхсмаршала Геринга не стали мелочиться, открыв пулеметный огонь и начав бросать гранаты. В итоге – девятнадцать убитых и двадцать два раненых, трое из которых были доставлены в госпиталь в очень тяжелом состоянии. В момент наивысшего хаоса (еще немного – и явно дошло бы до вызова танков или авиации) на месте перестрелки наконец-то появился лично этот самый «комендант объекта» Газенклевер, который с помощью громкоговорителя и ненормативной лексики сумел прекратить это безобразие.

Когда стрельба закончилась и дым немного рассеялся, персонал и охрана объекта принялись тушить пожар с помощью сильно опоздавших с выездом по тревоге городских пожарных и считать потери. Довольно быстро выяснилось, что все убитые и раненые из числа своих. Кинулись искать неизвестных, которых кое-кто все-таки успел мельком увидеть (но вот рассмотреть подробно, на предмет «особых примет» – увы), но тех уже давно след простыл.

В общем, по словам товарища Рудольфа, теперь в лабораториях все стояли на ушах, а из Берлина уже успел прикатить курировавший безопасность объекта некто оберштурмфюрер СС Хольц (его наш Руди характеризовал как «фанатичного нациста и полного придурка», контуженного на всю голову еще осенью 1941-го, где-то на Восточном фронте, под каким-то там Stodolischem – правильно, кого же еще могли назначить надзирающим за разными безнадежными во всех смыслах «научными проектами» по линии Аненербе?).

Естественно, этот оберштурмфюрер Хольц первым делом постарался найти стрелочника и, особо не напрягая интеллект, тупо арестовал начальника охраны Газенклевера, почтенного ветерана Первой мировой, у которого было четверо детей и семеро внуков.

Теперь все с содроганием ожидали прибытие бригад следователей из СД и гестапо, которые уже, вроде бы, выехали из Берлина. Поскольку произошедшее категорически выламывалось из всех мыслимых рамок, имперская служба безопасности явно будет трясти с пристрастием весь персонал, до последнего дворника включительно, а военные власти собираются прочесывать город. То есть вполне явственно вырисовывалось то, чего я с самого начала и боялся. В общем, дорогой герр Эрфрор подтвердил мои самые худшие предположения о том, что все, как минимум, откладывается. И хорошо, если вообще не отменяется...

Далее геноссе Руди перевел дух и сообщил нам с графиней, что он, пока его не хватились, должен срочно вернуться на объект.

– То есть? – уточнил я.

– По утвержденному для подобных происшествий штатному расписанию я обязан быть на месте, – ответил наш дорогой агент. – Пожар уже должны потушить, и мне нужно срочно выяснить, что происходит в помещениях нужной вам лаборатории. Так что сейчас я возвращаюсь, а вам остается сидеть и ждать звонка или моего возвращения.

– А если ваши прямо сейчас все-таки начнут прочесывать городишко, дом за домом?

– Пока ночь – вряд ли, – ответил Рудольф и уточнил: – Тем более что только что было предварительное предупреждение об авианалете. Штаб ПВО рейха передал сообщение о приближении к району Берлина крупного соединения английских бомбардировщиков.

С тем он и удалился той же мелкой рысью, растворившись в ночи. Его уход практически совпал с воем сирен местной ПВО. Спустя какое-то время стал слышен отдаленный гул тяжелых самолетов и залпы зениток крупного калибра. Я продолжил наблюдать за происходящим, сидя за стеклом закрытого окна на

втором этаже. Графиня молча встала с дивана и удалилась в свою спальню. Там она затихла, не включая света, возможно, прилегла. Железная тетя попалась, однако, – никаких там соплей, удивлений и лишних вопросов; я бы так не смог. Проводивший Эрфрора Вася снова спустился на первый этаж и наверх пока не поднимался. Небось опять что-то жрал в темноте.

Сначала взрывы бомб и гудение самолетов слышалось где-то далеко в стороне, и их было почти не слышно за пальбой зениток. Но потом шум самолетов, подходящих на малой высоте, неожиданно возник прямо над самым Каффштайном, чего за ними прежде не замечалось. По крайней мере, за четыре дня нашей здешней нелегальной жизни.

Возможно, союзных летчиков привлек световой ориентир в виде все еще не потушенного до конца пожара в лабораторном комплексе. С темных верхушек башен ПВО один за другим суматошно зададавали малокалиберные зенитные автоматы, наводчики которых, судя по всему, вообще не видели целей – цветные дуги и пунктиры трассеров летели куда попало. А затем в подсвеченном разрывами и зенитными прожекторами небе мелькнул черный силуэт небольшого, идущего на малой высоте, скоростного двухмоторного самолета. За ним мелькнули второй, третий, четвертый...

Блин, да сколько их? Что-то в этих силуэтах показалось мне смутно знакомым. «Москито»? Мелкий ночной кошмарик для точечных ударов и, по совместительству, дневной истребитель-бомбардировщик? Перекрывший гудение «Роллс-Ройсов» близкий свист падающих с неба бомб заставил меня втянуть голову в плечи и инстинктивно пригнуться. А потом разом ударило несколько близких взрывов бомб, причем пара вспышек была в районе лабораторного комплекса. Я и сам не понял, как оказался на полу, мелко трясущимся и лежащим лицом вниз. Оконные стекла жалобно задребезжали от взрывной волны, но не вылетели (как я успел заметить, отечественная привычка заклеивать окна крест-накрест бумажными полосками в гитлеровской Германии особо не прижилась), – бомбы легли хоть и близко, но все-таки недостаточно для того, чтобы взрывная волна дошла до нас в полную силу, и рамы выдержали это издевательство. При этом было отчетливо слышно, как на крыше что-то громко стучит, скрипит и шуршит – должно быть, черепица тоже отреагировала на мощный звуковой удар.

Я привстал на колени и с удивлением увидел, что на плоской крыше одной из башен ПВО что-то горело, разбрасывая длинные искры, а в районе

лабораторного комплекса разгорались еще два приличных пожара. Выходит, попали? Ничего себе, вот же виртуозы хреновы. Звук моторов поразивших цели и набиравших высоту «Москито» (мне даже показалось, что крайний бомбардировщик из этого звена чуть не зацепил хвостом городские крыши) быстро удалялся. Зенитки с башен палили им вслед, но как-то вяло. Куда там – что сделано, то сделано. Ну и дела, блин...

– Что там? – спросила из спальни Ката. Голос был томно-равнодушный.

– Кажется, все усугубилось. На интересующее нас место дополнительно уронили еще и пару авиабомб. По-моему, наше положение осложняется прямо-таки с каждым часом.

Графиня ничего не ответила на это. А что тут можно было сказать? Все равно мы с ней в тот момент решительно ни на что не влияли.

Кстати, уже потом, после своего возвращения, я не нашел в доступных источниках никаких вменяемых данных про этот авианалет. В английских публикациях упоминался только крупный налет бомбардировочного командования RAF на Берлин в ночь с 13-го на 14 августа 1944 года. И якобы во время этого налета 14 бомбардировщиков «Москито» В.Мк.IX из состава 139-й бомбардировочной эскадрильи Королевских ВВС, решая локальные задачи по отвлечению германской ПВО от основной массы участвовавших в налете самолетов, нанесла бомбовые удары по целям в 50 км южнее Берлина. «Москито» 139-й аэ в эту ночь действовали звеньями, пытаясь поразить объекты ПВО противника и железнодорожные узлы. Якобы при сбросе ими бомб в районе г. Каффштайн на земле наблюдалось несколько вторичных взрывов и большой пожар. Там же приводились «уточнения и комментарии», позаимствованные якобы из немецких источников. В них, в частности, было сказано о том, что в результате удара «Москито» был «нанесен некоторый ущерб одной из батарей ПВО». А в самом городе бомбы, якобы, попали в «продовольственный склад», на котором, помимо прочего, хранилось «более десяти тонн маргарина», из-за чего, якобы, и возник «сильный пожар». Казенно отмечалось, что в результате этого налета в Каффштайне и окрестностях было 35 убитых и около 70 раненых, а один из бомбардировщиков 139-й эскадрильи на обратном пути был подбит зенитками и, не сумев дотянуть до аэродрома базирования, вынужденно сел во Франции, в районе Кана. «Москито» после вынужденной посадки ремонту не подлежал, а его экипаж отделался ушибами и ссадинами. И, заметьте, там почему-то не было ни единого слова про башни ПВО или научный комплекс

Аненербе, который в немецких фронтовых сводках почему-то превратился в некий «склад маргарина». Странно, конечно, слов нет, но, может быть, с точки зрения сохранения секретности, все это звучало и не так уж неубедительно. В конце концов, кого, спустя десятилетия, вообще мог заинтересовать подобный сверхлокальный эпизод той, занявшей полсвета, войны?

Бьющая по барабанным перепонкам пальба зениток постепенно стихла, а примерно через час, когда наконец дали отбой воздушной тревоги, на соседней Schillerstrasse мелькнул темный фургон на шасси «мерседесовской» полуторки, со светомаскировочными чехлами на фарах. Машина резко повернула и остановилась прямо возле нашего дома. Хлопнула дверца, и с места рядом с шофером вылез наш дорогой Руди. Это было ожидаемо и в то же время неожиданно.

Когда он вошел, я заметил, что наш незадачливый немецкий друган за время отсутствия успел умыться и почистить одежду. И сразу с порога он сообщил, что, с большим трудом, сумел ненадолго отлучиться с объекта исключительно для того, чтобы отвезти кое-какое уцелевшее электрооборудование обратно на склад. Соответственно, он велел нам (всем троим, включая Жупишкина) срочно грузиться в стоявший у дверей фургон. При погрузке в наполовину заполненный какими-то коробками из плотного коричневого картона и деревянными ящиками кузов мне категорически не понравился, как затихарившийся в полутьме своей кабины упитанный гражданский водила как-то уж слишком внимательно рассматривает нас из-под козырька низко надвинутой бюргерской кепки. Разместив облачившуюся по случаю дороги в серый летний плащ графиню в кузове словно величайшую ценность и сложив в угол наши чемоданы, мы с Жупишкиными закрыли задние двери фургона, и машина поехала.

Наблюдать за процессом движения можно было только через два небольших прямоугольных окошка во все тех же задних дверях провонявшего синтетическим бензином и канифолью фургона. Окошки были прилично запылены, но я все-таки сумел понять, что мы отъехали километров на десять на восток от Каффштайна.

Проехав поворот, украшенный надписью на дорожном указателе «Fauler Sumpf» (интересно, с чего такое название, никаких болот вокруг вроде бы не было, да и гнилью нигде тоже не воняло?), наш фургон остановился в полной темноте возле какого-то обсаженного липами, потрепанного и явно нежилого (оконные ставни были плотно закрыты, краска на стенах облупилась, крытая непонятно

чем темная крыша выглядела неровно) одноэтажного загородного дома. Впрочем, если принимать во внимание обширное чердачное пространство, строение можно было считать и двухэтажным. Интересно что это была за хата – местный вариант загородной дачи? Место, куда мы приехали, живо напомнило мне тот дом, где инженер Гарин, было дело, изрезал на куски своим забавным агрегатом Гастона Леклера (он же «Утиный Нос») и его не ожидавших такой наглости подельников. Разумеется, имея в виду позднесоветскую экранизацию романа Алексея Толстого, ту, что называлась «Крах инженера Гарина». В нескольких сотнях метров позади дома просматривались в темноте еще несколько силуэтов похожих домов. И везде одно и то же – закрытые ставни и ни огонька. Зброшенный дачный поселок? Не то чтобы мне все это сильно понравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/morozov_vladislav/ohota-na-ohotnika

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)